

А.В. АНИКИН

ЮНОСТЬ НАУКИ

Жизнь и идеи
мыслителей-экономистов
до Маркса

Издательство
политической литературы
Москва – 1971

Введение

Всякое произведение на историческую тему пишется не только для того, чтобы рассказать о прошлом, но и для того, чтобы выразить через историю отношение автора к современности и ее проблемам. Это, как правило, происходит помимо воли автора, а очень часто делается сознательно.

Как известно, порой история науки может быть увлекательнее романа. Однако эта книга — не роман: вместе с тем она и не обычная история экономической мысли. Жанр популярных и, как автор хотел бы надеяться, занимательных очерков позволяет выделять наиболее выпуклые биографические и научные детали, более свободно переходить от далекой истории к современности с ее сложными и острыми вопросами.

Книга рассчитана на широкие круги читателей, в том числе не имеющих специальных знаний по политической экономии. К сожалению, по вине авторов иных учебников и книг встречается у нас, в частности среди молодежи, представление, что политическая экономия — материя сухая и скучная. При ближайшем рассмотрении это представление рассеивается. Экономическое устройство общества содержит не меньше увлекательных проблем и загадок, чем природа. В последнее время особенно характерно

обращение к экономическим вопросам ученых, работающих в области точных и естественных наук.

Не случайно и то, что у истоков экономической науки стояли выдающиеся мыслители, оставившие неизгладимый след во всей культуре человечества. Люди универсального и оригинального ума, большого научного и литературного таланта.

Экономисты прошлого и современность

Экономика всегда играла в жизни человечества важнейшую роль. Особенно это относится к нашему времени.

Маркс говорил о нелепости представлений, согласно которым античный мир жил политикой, а средневековые — католицизмом. Человечество всегда жило экономическими интересами, и лишь на этой основе могли существовать политика, религия и другие виды идеологии. Но именно неразвитость в прошлом экономики — главная причина таких представлений об этих эпохах. Современная экономика властно вторгается в жизнь каждого человека.

Большие изменения в общественной жизни и в хозяйстве нашей страны увеличили в последние годы интерес к экономической науке. Все яснее становится, что эта наука важна и как средство повышения эффективности народного хозяйства, и как составная часть мировоззрения.

В этой связи полезно помнить, что классики буржуазной политической экономии, особенно Адам Смит и Давид Рикардо, впервые разработали учение о хозяйстве как о системе, в которой действуют объективные, не зависящие от воли людей, но познаваемые законы. Они считали, что экономическая политика государства не должна идти против этих законов, а должна опираться на них.

Уильям Петти, Франсуа Кена и другие ученые заложили основы количественного анализа экономических процессов. Они пытались рассматривать эти процессы как своеобразный обмен веществ, определять его направления и размеры. Маркс использовал их научные достижения, в частности, в своем учении о воспроизводстве общественного продукта. Соотношения в продукции потребительских товаров и средств производства, пропорции накопления и потребления, взаимосвязи отраслей играют важнейшую роль в современном хозяйстве и экономической науке. Кроме того, из трудов этих пионеров экономической науки выросла современная народнохозяйственная статистика, значение которой невозможно переоценить.

В первой половине XIX в. были сделаны попытки использования в экономическом анализе математических методов, без которых в настоящее время немыслимо развитие многих разделов экономической науки.

Классики буржуазной политической экономии, а также представители мелкобуржуазного и утопического социализма анализировали многие противоречия капиталистической экономики. Швейцарский экономист Сисмонди одним из первых пытался понять причины экономических кризисов, которые представляют собой страшный бич буржуазного общества. Великие социалисты-утописты Сен-Симон, Фурье, Оуэн и их последователи глубоко критиковали капитализм и разрабатывали проекты социалистического переустройства общества.

Как писал В. И. Ленин, «вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное продолжение учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма».

Буржуазная классическая политическая экономия явилась одним из источников марксизма. Вместе с тем учение Маркса было революционным переворотом в политической экономии. Маркс показал, что капитал представляет собой общественное отношение, суть которого сводится к эксплуатации наемного труда пролетариев. Он объяснил природу этой эксплуатации созданной и разработанной им теорией прибавочной стоимости и показал историческую тенденцию капитализма: обострение его антагонистических, классовых противоречий и конечную победу труда над капиталом. Таким образом, в марксовом экономическом учении заключено диалектическое единство, оно одновременно представляет собой отрицание буржуазных концепций его предшественников и творческое продолжение

всего положительного, что ими было создано. Раскрытие и объяснение этого единства — важнейшая задача настоящей книги

В Документе московского Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г. указывается, что в целях повышения идейно-политической роли марксистско-ленинских партий в мировом революционном процессе они будут непримиримо бороться против буржуазной идеологии, в частности «будут пропагандировать в рабочем движении, в широких народных массах, в том числе среди молодежи, идеи научного социализма». Научный социализм в решающей степени опирается на экономическое учение марксизма-ленинизма. Поэтому в пропаганде идей: научного социализма важное значение имеет разъяснение истоков и корней этого учения.

Маркс и его предшественники

Главный научный труд К. Маркса — «Капитал» имеет подзаголовок «Критика политической экономии». Четвертый том своего труда — «Теории прибавочной стоимости» — Маркс специально посвятил критическому анализу всей предшествующей политической экономии. Основной метод Маркса при этом заключается в том, чтобы выделять у каждого автора научные элементы, в той или иной мере способствующие решению *основной задачи политэкономии капитализма* — *открытию закона движения этого способа производства*. Вместе с тем он показывает буржуазную ограниченность, непоследовательность, ненаучность в воззрениях политико-экономов прошлого.

Немало страниц Маркс посвятил анализу и критике той политической экономии, которую он назвал вульгарной, поскольку она ставит своей задачей оправдание и открытую защиту капиталистического строя, а не подлинно научный анализ. Естественно, главные представители этого направления буржуазной политэкономии тоже занимают известное место в предлагаемой читателю книге. В борьбе с апологетическими воззрениями буржуазных экономистов Маркс развивал пролетарскую политическую экономию.

Перед читателем «Капитала», как и других экономических произведений Маркса, проходит обширная галерея ученых прошлого. Политическая экономия, как и всякая наука, развивается не только трудами признанных корифеев, но и усилиями многих, порой не очень заметных ученых.

Нельзя согласиться, например, с таким утверждением В. С. Афанасьева, автора вышедшей в 1960 г. книги о Петти: «Собственно все то ценное, что выработано буржуазной экономической наукой, представлено лишь в исследованиях Вильяма Петти, Франсуа Кенэ, Адама Смита, Давида Рикардо». В. С. Афанасьев назвал имена замечательных ученых, проложивших новые пути в науке. Однако классическая школа представляла собой в течение полутора сот лет обширное направление, в рамках которого работали и писали многие, не только корифеи буржуазной науки. Смит, например, предшествовали целые поколения экономистов, основательно подготовивших для него научную почву. Поэтому, уделяя главное внимание жизни и идеям крупнейших ученых, автор настоящей книги стремился вместе с тем отразить в известной мере вклад менее знаменитых, но нередко значительных мыслителей, и тем самым по возможности более полно прочертить ход развития политической экономии как науки.

Уже более ста лет пытается буржуазная наука и пропаганда исказить историческую роль Маркса как ученого. В этих попытках отчетливо видны две линии. Первая состоит в том, чтобы замолчать, игнорировать Маркса и его революционное учение, изобразить его как малозначительную фигуру в науке или как фигуру, стоящую вне «западной культурной традиции», а значит, и вне «настоящей» науки. При такой линии связи Маркса с предшественниками, в частности с буржуазными экономистами-классиками, преуменьшаются, недооцениваются.

Но в последние десятилетия, пожалуй, более характерна вторая линия: превратить Маркса в заурядного (или даже незаурядного), гегельянца и рикардянца. Близость Маркса к Рикардо и всей классической школе при этом усиленно подчеркивается, а революционный характер переворота в политической экономии, совершенного Марксом, замазывается.

Стали часто писать, что в конце концов марксизм можно примирить с современной буржуазной социологией и политической экономией, поскольку они, мол, идут от одного корня. Джон Стрэчи, известный теоретик

английского лейборизма. пишет в своей книге «Современный капитализм», что он рассматривает эту книгу как «скромный шаг в необходимом процессе воссоединения марксизма с западной культурной традицией, от которой он происходит, но от которой он далеко отошел».

Реформизм и смыкающийся с ним правый оппортунизм в коммунистическом и рабочем движении склонны рассматривать марксизм как течение, уходящее всеми корнями в общегуманистическую, либеральную тенденцию общественной мысли XIX в. При этом смазывается тот факт, что марксизм — это прежде всего революционная идеология рабочего класса, принципиально отличная от любого либерализма. Теоретическая сторона марксизма нередко отрывается от его революционной практики. В настоящее время это обычно связывается с отрицанием ленинизма как марксизма XX в.

Важнейшее значение для распространения в массах научной, марксистско-ленинской идеологии имеет борьба против «левого» ревизионизма и догматизма. В области изучения предшественников марксизма для них характерно нигилистическое отношение к теориям и взглядам этих мыслителей. Все они мажутся черной краской, как реакционные идеологи буржуазии. Превенчается научная, аналитическая сторона марксизма, трактовка им общественного развития как подчиняющегося объективным закономерностям процесса. Вместо этого подсовывается волюнтаризм в экономике и авантюризм в политике.

Рассматривая экономические теории буржуазных экономистов, Маркс, Энгельс, Ленин разоблачали и критиковали апологетику капиталистического строя и обычно связанные с ней поверхностные, ненаучные представления об экономических законах и процессах. Особенно бескомпромиссно выступали они против идеологии, способной нанести ущерб рабочему движению, увести его в сторону от основных революционных задач.

Вместе с тем классики марксизма видели задачу всякой критики в том, чтобы выделить в концепциях буржуазных экономистов рациональные, научные элементы, углубляющие объективное познание экономической сущности капитализма. Особенно подчеркивали они важность осуществляемых буржуазными учеными конкретных экономических исследований. Ничто не было основоположникам марксизма столь чуждо, как нигилистический подход ко всем без исключения работам буржуазных ученых. Они анализировали специфические особенности отдельных теорий, выявляя их социальные корни и смысл, противопоставляли одни теории другим и критически использовали их в интересах пролетарской идеологии.

Это очень важно для определения марксистско-ленинской позиции по отношению к современной буржуазной экономической мысли. Поскольку политическая экономия — сфера идеологии, непримиримая борьба с буржуазными концепциями есть важнейшая задача ученого-марксиста. Эта борьба должна быть направлена в первую очередь против антимарксистских мировоззренческих концепций. Важнейшее значение имеет разоблачение воззрений, оказывающих прямое воздействие на рабочее и общедемократическое движение, в особенности правого оппортунизма и «левого» революционаризма.

Но буржуазная идеология, находящая свое выражение в экономических и социологических работах, неоднородна. Кроме того, функции буржуазной политэкономии отнюдь не исчерпываются идеологией. Растущую роль играют функции, связанные с рациональным хозяйствованием, с управлением экономическими процессами. Глубокое изучение современной немарксистской экономической мысли необходимо как для плодотворной борьбы против буржуазной идеологии, так и для развития теоретически и практически важных научных исследований во многих областях экономической науки.

Три столетия

Необходимость марксистской популярной, общедоступной книги по истории экономической мысли определяется также тем, что на Западе издан целый ряд подобных сочинений, написанных с позиций буржуазной идеологии, и притом нередко весьма квалифицированно. Вот, например, книга американца Р. Хейльбронера, в которой трактуется история экономической мысли до наших дней. Любопытно заглавие этой книги — «The Worldly Philosophers», что можно было бы перевести так: «Философы от мира сего».

Философы от мира сего! Действительно, экономическая наука даже в своих абстрактных построениях неразрывно связана с самым главным, что делает человек на земле.— материальным производством. Люди, создавшие ее, брали материал и проблемы из самой гущи общественной жизни своего времени. Идеи экономистов в огромной мере определяются развитием общества и хозяйства в их странах. Поэтому в очерках их жизни и деятельности читатель этой книги найдет и сжатые эскизы экономических особенностей эпохи и страны.

Развитие политической экономии, предопределенное ростом нового, прогрессивного в то время общественного строя — капитализма, потребовало больших мыслителей. И они появились — люди большого таланта и яркой индивидуальности.

Представим себе фантастическую картину: экономистов трех столетий, собранных вместе. Получится довольно пестрое общество!

Большинство англичане, немало французов. Это понятно: Англия в XVII—XIX вв. была самой передовой капиталистической страной, и еще во времена Маркса политическая экономия считалась преимущественно английской наукой. Рано начал расти капитализм и во Франции. Остальные страны Европы отставали в своем развитии. Мало американцев, но среди них мудрый Франклин. О наших соотечественниках будет сказано ниже.

Первыми экономистами были чаще всего, по выражению Маркса, «коммерческие и государственные люди». Их толкали к размышлению над экономическими вопросами практические нужды торговли и государственного управления.

Мы видим современников Шекспира, длинноволосых кавалеров в кружевах и сюртук, просто одетых купцов эпохи первоначального капиталистического накопления. Это советчики королей — меркантилисты Монкретьен, Томас Ман...

Другая группа. Перед нами в больших париках и кафтанах с широкими обшлагами основатели классической политической экономии Петти и Бугаильбер и другие предшественники Адама Смита. Они занимаются политической экономией отнюдь не профессионально, такой профессии еще и в помине нет. Петти — врач и неудачливый политик, Бугаильбер — судья, Локк — знаменитый философ, Капильон — банкир. Чаще они все еще обращаются к королям и правительствам, но начинают писать и для просвещенной публики. При этом они впервые ставят теоретические вопросы новой науки. Среди них особенно выделяется Петти. Это не только гениальный мыслитель, но и замечательно яркая и своеобразная личность.

А вот динамичная фигура Джона Ло, великого прожектера и авантюриста, «изобретателя» бумажных денег, первого теоретика и практика инфляции. Величие и падение Ло — одна из самых ярких страниц в истории Франции начала XVIII в.

Огромные парики, какие мы видим на хорошо известных портретах Мольера или Свифта, сменяются короткими, пудреными, с двумя завитками на висках. Икры обтягиваются белыми шелковыми чулками. Это французские экономисты середины XVIII в. — физиократы, друзья великих философов-просветителей. Их признанный глава — Франсуа Кенэ, врач по профессии и экономист по призванию. Другой крупный ученый — Тюрго, один из самых прозорливых и прогрессивных государственных деятелей предреволюционной Франции.

Адам Смит... Даже если вы не имеете еще понятия о политической экономии, вы, наверное, вспомните, что Евгений Онегин у Пушкина

читал Адама Смита
И был глубокий эконом
То есть умел судить о том
Как государство богатеет,
И чем живет и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.

Биография Смита несколько похожа на биографию Ньютона: в ней мало внешних событий и огромная интенсивность внутренней интеллектуальной жизни.

Имя последователям Смита — легион. В конце XVIII и в начале XIX в. заниматься политической экономией означало быть смитианцем. Великого шотландца начинают понемногу «поправлять» (это слово можно производить

не только от «правильный», но и от «правый» в политическом смысле). Это делают люди вроде Сэя во Франции и Мальтуса в Англии. Политическую экономию начинают преподавать в университетах, она становится обязательным элементом образования молодого человека из привилегированных классов.

Но вот на сцене появляется богатый биржевик и гениальный самовучка Давид Рикардо. Это наполеоновская эпоха, и он, разумеется, уже без парика, в сюртуке вместо кафтана и в длинных узких брюках вместо панталон до колен. Рикардо суждено сказать последнее слово в буржуазной классической политической экономии, сделать ее последний критический вывод. Но уже при его жизни начинаются нападки на Рикардо, который показал противоположность интересов основных классов капиталистического общества — буржуазии и пролетариата.

Последователи Рикардо образуют различные группы. С одной стороны, социалисты пытаются обратить учение Рикардо против буржуазии. С другой стороны, в буржуазной науке на обломках рикардианства развивается вульгарная политическая экономия. Так мы подходим к 40-м годам XIX в., когда начинается деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса.

Выражая идеи наиболее передовой части буржуазии, экономисты-классики сталкивались с феодально-землевладельческой аристократией, которая в Англии имела прочные позиции, а во Франции господствовала до революции конца XVIII в. Они сталкивались с выражавшей ее интересы государственной властью и официально церковью. Да и в капиталистических порядках они принимали и одобряли далеко не все. Поэтому в жизни многих экономистов мы видим протест, бунтарство, борьбу. Даже осторожный Смит подвергался нападкам реакционеров. Среди социалистов домарксовой эпохи мы встречаем людей твердой принципиальности, большого гражданского и личного мужества.

В этой книге не рассказывается о пионерах экономической науки в России. Не потому, что в рассматриваемую эпоху Россия не дала смелых и оригинальных мыслителей. Достаточно сослаться на замечательного русского ученого и писателя петровской эпохи Ивана Посошкова, на социально-экономические сочинения Радищева, на труды декабристов Н. Тургенева, Пестеля, Орлова.

Однако Россия в XVIII и в начале XIX в. значительно отставала от западноевропейских стран в своем экономическом развитии. Главной общественной проблемой было крепостное право. Буржуазные производственные отношения существовали лишь в зачаточных формах. Отсюда большое своеобразие развития русской экономической мысли. По многим серьезным причинам русская мысль не могла играть роль в формировании экономического учения марксизма, хотя одновременно с Марксом Н. Г. Чернышевский с гениальной проницательностью анализировал буржуазную политическую экономию Запада.

О русских мыслителях-экономистах надо писать особую книгу. Это важная и достойная задача, но она выходит за пределы поставленных в настоящей работе целей.

* * *

В этой книге автор стремился следовать старинному девизу популяризаторов науки: *развлекая, обучать*. Сочетать занимательность с научностью трудно во всех областях. Может быть, в политической экономии это труднее, чем где-либо. Насколько достигнута поставленная цель, пусть судит читатель. Автор же хотел бы отметить, что без помощи многих товарищей он не мог бы завершить книгу. Прочли рукопись или отдельные главы и высказали полезные соображения и замечания Б.А. Амбарцумов, И.П. Власов, И.Н. Дворкин, В. Д. Казакевич, В. М. Кудров, Л. М. Мордухович, Ю. Я. Ольсевич, С. В. Пронин, М. А. Рабинович, Р. М. Энгов. Всем им — искренняя благодарность.

Автор

У ИСТОКОВ

Когда первобытный человек впервые сделал каменный топор и лук, это еще не была *экономика*. Это была, так сказать, только техника.

Но, имея несколько топоров и луков, группа охотников убила оленя. Мясо этого оленя было поделено между ними, по всей вероятности, поровну: если бы одни получали больше, чем другие, то последние просто не могли бы выжить. Жизнь общины далее усложнялась. Возможно, в ней появился мастер, делавший для охотников хорошее оружие и сам не ходивший на охоту. Мясо и рыбу надо было распределять между охотниками и рыбаками, выделять долю «оружейнику» и т. д. На какой-то стадии появился обмен продуктами труда между общинами и внутри общин.

Все это была хотя и примитивная, неразвитая, но уже *экономика*. ибо речь шла не только об отношениях людей к вещам — луку, топору, мясу — но и об их отношениях между собой в обществе. И не об отношениях вообще, а о материальных отношениях, связанных с производством, а затем с распределением благ, необходимых для жизни людей. Эти отношения Маркс назвал *производственными отношениями*.

Экономика есть общественное производство, обмен, распределение и потребление материальных благ и совокупность возникающих на этой основе производственных отношений. В этом смысле экономика так же стара, как человеческое общество. Экономика первобытной общины была, разумеется, предельно проста, так как предельно просты были орудия, которыми пользовались люди, и до крайности ограничены были их трудовые навыки. Иначе говоря, были слабо развиты *производительные силы*, которые и определяют производственные отношения общества, его экономику и другие стороны жизни.

Кто был первым экономистом

Когда человек впервые задумался над тем, почему горит огонь или гремит гром? Вероятно, много тысяч лет назад. Столь же давно он, может быть, задумался над явлениями, составлявшими экономику первобытнообщинного строя, который постепенно разлагался и превращался в первое классовое общество — рабовладельческое. Но эти раздумья не были и не могли быть *наукой* — системой знаний человека о природе и обществе.

Наука появляется лишь в эпоху зрелого рабовладельческого строя, опиравшегося на гораздо более развитые производительные силы. Познания людей древних государств — Шумера, Вавилонии, Египта, существовавших 4-5 тыс. лет назад, в математике или медицине выглядят порой очень внушительно. Высшие из известных нам образцы древней науки дали античные греки и римляне.

Определенное осмысление фактов экономической жизни началось задолго до того, как в XVII в. выделилась особая область науки — *политическая экономия*. Ведь многие экономические явления, которые стали объектом исследования этой науки, были известны уже древним египтянам или грекам: обмен, деньги, цена, торговля, прибыль, ссудный процент. И прежде всего люди начинали осмысливать, конечно, главную черту производственных отношений той эпохи — рабство.

Экономическая мысль первоначально не отделяется от других форм мышления об обществе. Поскольку это так, точно определить ее первые проявления невозможно. Неудивительно, что отдельные историки экономических учений начинают с разного. Советский ученый Д.И. Розенберг в книге, вышедшей в 1940 г., начинал с древних греков, а в некоторых наших послевоенных курсах корни экономической мысли ищутся

глубже: в древнеегипетских папирусах, в каменной клинописи законов царя Хаммурапи, в древнеиндийских «Ведах».

Немало экономических наблюдений имеется в той сложной мозаике, которую представляет собой библия. Она содержит известное толкование экономической жизни древних евреев и других народов, населявших Палестину и окрестные земли во II и I тысячелетиях до нашей эры. Как правило, это толкование дано в форме заповедей, указаний о поведении людей.

Однако тот факт, что, например, американский историк экономических учений профессор Дж. Ф. Белл посвящает библии большую главу, а все другие источники тех же времен полностью игнорирует, объясняется, надо полагать, обстоятельствами, не имеющими отношения к науке. Дело в том, что библия — это священная книга христианства, с детства известная большинству американских студентов. Наука слегка приспосабливается к этому факту современной жизни.

Древнегреческое общество, находившееся в стадии далеко зашедшего распада первобытнообщинного строя и формирования рабовладения, получило замечательное художественное отражение в поэмах Гомера. Эти памятники человеческой культуры — подлинная энциклопедия жизни и мировоззрения людей, населявших около 3 тыс. лет назад берега Эгейского и Ионического морей. Самые различные экономические наблюдения искусно вплетены в ткань увлекательного рассказа об осаде Трои и странствиях Одиссея. В «Одиссее» содержится, вероятно, первая в мировой истории констатация низкой производительности рабского труда:

Раб нерадив; не принудь господин повелением строгим
К делу его, за работу он сам не возьмется охотой:
Тягостный жребий печального рабства избрав человеку,
Лучшую доблестей в нем половину Зевес истребляет.

Конечно, и законы Хаммурапи, и библию, и Гомера историку и экономисту приходится рассматривать прежде всего как источники сведений о *хозяйственном быте* древних народов. Лишь во вторую очередь можно говорить о них как о памятниках *экономической мысли*, которая предполагает некоторое обобщение практики, умозрение, абстракцию. Известный буржуазный ученый Иозеф А. Шумпетер (австриец, вторую половину жизни проживший в США) назвал свою книгу историей экономического анализа и потому начал ее сразу с классических греческих мыслителей.

Действительно, в сочинениях Ксенофонта, Платона и особенно Аристотеля были сделаны первые попытки теоретически осмыслить экономическое устройство греческого общества. Мы иногда склонны забывать, как много нитей связывают нашу современную культуру с удивительной цивилизацией этого небольшого народа. Наша наука, наше искусство, наш язык, наконец, навсегда впитали в себя элементы древнегреческой цивилизации. Об экономической мысли Маркс говорил: «Поскольку греки делают иногда случайные экскурсии в эту область, они обнаруживают такую же гениальность и оригинальность, как и во всех других областях. Исторически их воззрения образуют поэтому теоретические исходные пункты современной науки».

Д. И. Розенберг пишет, что Аристотель ввел термин «экономия». Такое же утверждение содержится в Большой Советской Энциклопедии (2-е издание). Это не вполне точно. Слово *экономия* (ойкономия, от слов *ойкос* — дом, хозяйство и *номос* — правило, закон) существовало в греческом языке до Аристотеля. Этот термин даже является заглавием особого сочинения Ксенофонта, где в форме диалога рассматриваются разумные правила ведения домашнего хозяйства и земледелия. Такой смысл (наука о домашнем хозяйстве, домоводство) слово «экономия», следовательно, уже имело во времена Аристотеля: он был примерно на 60 лет моложе Ксенофонта. Правда, оно не обладало у греков таким ограниченным содержанием, как наше домоводство. Ведь дом богатого грека являлся целым рабовладельческим хозяйством, это был своего рода микрокосм античного мира.

Аристотель употреблял слово «экономия» и производное от него «экономика» в этом же смысле. Но, как известно, он сделал несравненно большее, чем ввел термин: он впервые подверг анализу некоторые основные экономические явления и закономерности тогдашнего общества, стал, по существу, первым экономистом в истории науки.

Начало начал: Аристотель

Летом 336 г. до нашей эры македонский царь Филипп был предательски убит на свадьбе своей дочери. Кто подослал убийц, осталось навсегда неизвестным. Если справедлива версия, что это было делом рук правителей Персии, то ничего более губительного для себя они не могли придумать: взойшедший на престол 20-летний сын Филиппа Александр через несколько лет разгромил и навсегда уничтожил могучую персидскую державу.

Александр был учеником и воспитанником Аристотеля, философа из города Стагира. Когда Александр стал царем Македонии, Аристотелю было 48 лет, и слава его уже широко распространилась по всему эллинскому миру. Мы не знаем, что заставило Аристотеля вскоре после этого покинуть Македонию и переселиться в Афины. Во всяком случае, не ссора с Александром: их отношения испортились гораздо позже, когда тот из даровитого юноши превратился в подозрительного и капризного владыку мира. Вероятно, Афины влекли Аристотеля как культурный центр античного мира, как город, где жил и умер его учитель Платон и где сам Аристотель провел молодые годы.

Как бы то ни было, в 335 или 334 г. Аристотель с женой, дочерью и приемным сыном поселился в Афинах. В последующие 10—12 лет, пока Александр завоевывает всю известную древним грекам обитаемую землю, Аристотель с поразительной энергией возводит величественное здание науки, завершая и обобщая труды своей жизни. Но ему не была суждена спокойная старость в кругу учеников и друзей. В 323 г. Александр умер, едва достигнув 33 лет. Возмущившиеся против македонского господства афиняне изгнали философа. В качестве предлога было избрано традиционное обвинение в оскорблении богов: Аристотель якобы воздавал божеские почести своей покойной жене. Через год он умер в Халкиде, на острове Эвбея.

Аристотель был одним из величайших умов в истории науки. Дошедшие до нас и достоверно известные по тематике его сочинения охватывают все существовавшие в то время области знания. В частности, он был одним из основателей науки о человеческом обществе — социологии, в рамках которой у него и рассматриваются экономические вопросы. Социологические

сочинения Аристотеля возникли в период его последнего пребывания в Афинах. Это прежде всего «Никомахова этика» (названная так потомками по имени сына философа, Никомаха) и «Политика» — трактат об устройстве государства.

Как в естественных, так и в общественных науках, Аристотель был ученым «нового типа». Он создавал теории и строил выводы не на основе абстрактных умозаключений, а всегда опираясь на тщательный анализ фактов. Его «История животных» была написана на основе обширных зоологических коллекций. Точно так же для своей «Политики» он с группой учеников собрал и обработал материалы о государственном устройстве и законах 158 эллинских и варварских государств. В подавляющей части это были полисы, города-государства.

Аристотель сохранился в памяти веков мудрым наставником, всегда окруженным учениками и помощниками. Во время последнего пребывания в Афинах ему шел шестой десяток, и был он, вероятно, энергичным и бодрым человеком. Согласно преданию, Аристотель любил беседовать с друзьями и учениками, прогуливаясь в тенистом саду. Его философская школа вошла в историю под названием перипатетиков (прогуливающих).

«Политика» и «Этика» воспринимаются как своего рода записи бесед, иногда размышлений вслух. Исследователи находят в них обращения к слушателям (а не к читателям). Стремясь объяснить свою мысль, Аристотель нередко возвращается к ней снова, заходит, так сказать, с другого бока, отвечает на различные вопросы слушателей.

Аристотель был сыном своего времени. Рабство представлялось ему естественным и закономерным, раба он считал говорящим орудием. Более того, в некотором смысле он был консерватором. Ему не нравилось развитие торговли и денежных отношений в Греции его времени. Идеалом для него было небольшое земледельческое хозяйство (в котором работают, разумеется, рабы). Это хозяйство должно обеспечивать себя почти всем необходимым, а немного недостающее можно получить путем «справедливого обмена» с соседями.

Заслуга Аристотеля-экономиста состоит, однако, в том, что он первым установил некоторые категории политической экономии и в известной мере показал их взаимосвязь. Если мы сравним собранную из фрагментов «экономическую систему» Аристотеля с пятью первыми главами «Богатства народов» Адама Смита и с первым разделом первого тома «Капитала» К. Маркса, мы обнаружим поразительную преемственность мысли. Она поднимается на новую ступень, опираясь на предыдущие. В. И. Ленин писал, что стремление найти закон образования и изменения цен (т. е. закон стоимости) проходит от Аристотеля через всю классическую политическую экономию к Марксу.

Вот Аристотель устанавливает две стороны товара — потребительную и меновую стоимость и анализирует процесс обмена. Он ставит тот самый вопрос, который будет всегда волновать политическую экономию: чем определяются соотношения обмена, или меновые стоимости, или, наконец, цены — их денежное выражение. Ответа на этот вопрос он не знает, вернее, он останавливается перед ответом и как бы нехотя, поневоле уходит в сторону. Но он в общем правильно высказывает разумные соображения о происхождении и функциях денег и, наконец, по-своему выражает мысль об их превращении в капитал — в деньги, порождающие новые деньги.

Таков — со всевозможными отклонениями, неясностями, повторениями — путь научного анализа, проделанного великим эллином.

Научное наследие Аристотеля всегда было предметом борьбы. Много столетий его философские, естественнонаучные и социальные идеи, превращенные в жесткую догму, в нерушимый канон, использовались христианской церковью, псевдоучеными схоластами и политическими реакционерами в борьбе против всего нового и прогрессивного. С другой стороны, и люди Возрождения, революционеры в науке, опирались на освобожденные от догм идеи Аристотеля. Борьба за Аристотеля продолжается и теперь. Это касается и его экономического учения.

Прочтите внимательно две выдержки, в которых дается оценка экономических взглядов великого грека. Первая оценка принадлежит марксисту, советскому ученому Ф. Я. Полянскому. Вторая — автору одного из буржуазных курсов истории экономической мысли, американскому профессору Дж. Ф. Беллу.

Полянский

«...Аристотель далек был от субъективистских представлений о стоимости и скорее склонялся к объективному истолкованию последней. Во всяком случае общественная необходимость возмещения издержек производства ему, видимо была ясна. Правда, состав издержек им не расшифровывался и этим вопросом он не интересовался. Однако в их составе труду отводилось, вероятно, большое место».

Белл

«Аристотель считал стоимость субъективной, зависящей от полезности товара. Обмен покоится на потребностях людей... Когда обмен справедлив, он покоится на равенстве потребностей, а не на издержках в смысле в смысле затрат труда».

Нетрудно видеть, что эти оценки диаметрально противоположны. Речь в обеих цитатах идет о *стоимости*, этой основной категории политической экономии, с которой мы будем дальше сталкиваться постоянно.

Важнейшую часть экономического учения марксизма составляет *трудовая теория стоимости*, развитая Марксом на базе критического анализа буржуазной классической политической экономии. Суть этой теории состоит в том, что все товары имеют одно коренное общее свойство: все они продукты человеческого труда. Количество этого труда и определяет стоимость товара. Если на изготовление топора необходимо затратить 5 рабочих часов, а на изготовление глиняного горшка — 1 час, то при прочих равных условиях стоимость топора будет в 5 раз больше, чем стоимость горшка. Это проявится в том факте, что топор будет, как правило, обмениваться на 5 горшков: такова его *меновая стоимость*, выраженная в горшках. Она может (быть выражена и в мясе, и в ткани, и в любом другом товаре, а в конечном счете — в деньгах, т. е. в известном количестве серебра или золота. Меновая стоимость товара, выраженная в деньгах, есть *цена*.

Очень важное значение имеет понимание труда, создающего стоимость. Чтобы труд производителя топоров был сравним, сопоставим с трудом горшечника, он должен рассматриваться не как конкретный вид труда данной профессии, а лишь как затрата в течение определенного времени мускульной и умственной энергии человека — как *абстрактный труд*, независимо от его конкретной формы. Потребительная стоимость (полезность) товара является,

конечно, необходимым условием того, чтобы товар имел стоимость, но она не может быть источником стоимости.

Таким образом, стоимость *объективна*, она существует независимо от ощущений человека, от того, как он субъективно оценивает полезность товара. Далее, стоимость имеет общественный характер, она определяется не отношением человека к предмету, к вещи, а отношением между людьми, создающими товары своим трудом и обменивающими эти товары между собой.

В противовес этой теории буржуазная политическая экономия нашего времени за основу стоимости (вернее, меновой стоимости, ибо стоимость как самостоятельную категорию она отвергает) принимает *субъективную полезность* обмениваемых товаров. Меновая стоимость товара выводится из интенсивности желания потребителя и из наличного рыночного запаса данного товара. Она становится тем самым величиной случайной, «конъюнктурной». Поскольку проблема стоимости уводится в сферу индивидуальных оценок, стоимость здесь теряет общественный характер, перестает быть отношением между людьми.

Читатель может спросить: не идет ли здесь речь о схоластических тонкостях? Надо сказать, что некоторые весьма искушенные люди на Западе, считающие себя социалистами, порой говорят, что спор этот устарел, что его пора просто снять.

Но теория стоимости важна не только сама по себе. Необходимым выводом из трудовой теории стоимости является *теория прибавочной стоимости*, объясняющая механизм эксплуатации рабочего класса капиталистами. Напротив, субъективная теория стоимости и все связанные с ней представления буржуазной политической экономии в принципе исключают эксплуатацию и классовые противоречия.

Вот почему идет спор, которому ни много, ни мало 2400 лет: был ли Аристотель отдаленным провозвестником трудовой теории стоимости или он предок теорий, выводящих меновую стоимость из полезности? Спор этот возможен по той причине, что Аристотель не создал и не мог создать сколько-нибудь полную теорию стоимости.

Он видит в обмене уравнение товарных стоимостей и упорно ищет какую-то общую основу уравнения. Уже это было проявлением исключительной глубины мысли и послужило исходным пунктом для дальнейшего экономического анализа через много веков после Аристотеля. У него есть высказывания, напоминающие какой-то крайне примитивный вариант трудовой теории стоимости. На них, очевидно, и опирается Ф. Я. Полянский в приведенной выше цитате. Но может быть, даже важнее этого именно то ощущение *проблемы* стоимости, которое видно, например, в таком отрывке из «Никомаховой этики»:

«Действительно, не из двух врачей образуется общество, но из врача и земледельца, и вообще из людей не одинаковых и не равных. Но таких-то людей и должно приравнять. Поэтому все, что подвергается обмену, должно быть как-то сравнимо... Итак, нужно, чтобы все измерялось чем-то одним... Итак, расплата будет иметь место, когда будет найдено уравнение, чтобы продукт сапожника относился к продукту земледельца, как земледelec относится к сапожнику».

Здесь в зачаточной форме содержится понимание стоимости как общественного отношения между людьми, производящими разные по своей

потребительной стоимости товары. Казалось бы, остается один шаг к выводу, что в обмене своих продуктов земледелец и сапожник относятся друг к другу лишь так, как определенные количества труда, рабочего времени, необходимого для производства мешка зерна и пары обуви. Но этого вывода Аристотель не делает.

Он не мог сделать такой вывод хотя бы потому, что жил в античном рабовладельческом обществе, которому была по самой его природе чужда идея равенства, равнозначности всех видов труда. Физический труд презирался и считался уделом рабов. Хотя в Греции были и свободные ремесленники и земледельцы, Аристотель каким-то странным образом «не замечал» их, когда дело доходило до толкования общественного труда.

Однако, лишь потерпев неудачу в своих попытках проникнуть за покров формы стоимости (меновый стоимости), Аристотель, точно со вздохом сожаления, обращается за объяснением загадки к поверхностному факту качественного различия полезностей товаров. Поскольку он, очевидно, чувствует тривиальность такого утверждения (смысл его примерно таков: «Мы меняемся потому, что мне нужен твой товар, а тебе — мой») и к тому же его количественную неопределенность, он заявляет, что сравнимыми товары делают деньги: «Итак, нужно, чтобы все измерялось чем-то одним... Этим одним является, на самом деле, потребность, которая для всего является связующей ос_т новой... В качестве же замены потребности, по соглашению (менаду людьми), возникла монета...».

Это принципиально иная позиция, которая делает возможными утверждения вроде приведенной выше цитаты из книги Дж. Ф. Белла.

Экономика и хрематистика

Важное значение имеет еще одно достижение Аристотеля — знаменитое противопоставление им экономики и тем самым первая в истории науки попытка анализа капитала. Правда, со словами ему не повезло: слово «экономика» он не вводил заново, но оно вошло во все языки; напротив, придуманное им слово «хрематистик» (от греческого «хрема» — имущество, владение) не прижилось. Но дело не в этом.

Мы уже видели, что идеалом Аристотеля было полунатуральное рабовладельческое хозяйство. Проблемы такого хозяйства он и обозначал (как и Ксенофонт) словом «экономика». Для Аристотеля экономика — это *естественная* хозяйственная деятельность, связанная с производством продуктов, потребительных стоимостей. Она включает и обмен, однако опять-таки лишь в рамках, необходимых для удовлетворения личных потребностей. Пределы этой деятельности тоже естественны: это разумное личное потребление, человека.

Что же такое хрематистика? Это «искусство наживать состояние», т. е. деятельность, направленная на извлечение прибыли, на накопление богатства, особенно в форме денег. Иначе говоря, хрематистика — это «искусство» вложения и накопления капитала.

Промышленный капитал отсутствовал в античном мире, но немалую роль уже играл торговый и денежный (ростовщический) капитал. Его и изображал Аристотель: «...в искусстве наживать состояние, поскольку оно сказывается в торговой деятельности, никогда не бывает предела в достижении цели, так как целью-то здесь оказывается беспредельное

богатство и обладание деньгами... Все, занимающиеся денежными оборотами, стремятся увеличить свои капиталы до бесконечности».

Аристотель считал все это *противоестественным*, но он был достаточно реалистичен, чтобы видеть невозможность чистой «экономики»: к сожалению, из экономики непрерывно вырастает хрематистика. Это — правильное наблюдение: мы сказали бы, что из хозяйства, где продукты производятся как товары — для обмена, неизбежно вырастают капиталистические отношения.

Необычайную трансформацию претерпела идея Аристотеля о естественности экономики и противоестественности хрематистики. В средние века ученые-схоласты вслед за Аристотелем осуждали ростовщичество, а отчасти и торговлю, как «противоестественный» способ обогащения. Но с развитием капитализма все формы обогащения стали казаться естественными, допускаемыми «естественным правом». На этой основе в XVII и XVIII вв. в социально-экономической мысли возникла фигура *homo oeconomicus* — экономического человека, мотивы всех действий которого могут быть сведены к стремлению обогащаться. Адам Смит объявил, что экономический человек, стремясь к своей выгоде, одновременно действует на пользу общества, и так вырастает лучший из известных Смиту миров — буржуазный мир. Для Аристотеля выражение *homo oeconomicus* могло бы означать нечто прямо противоположное — человека, стремящегося к удовлетворению своих разумных потребностей, отнюдь не беспредельных. А эту гипотетическую фигуру без плоти и крови — героя экономических сочинений времен Смита, ему, очевидно, пришлось бы назвать *homo chrematisticus*.

Оставляя великого эллина, мы должны перенестись почти на 2 тыс. лет вперед — в Западную Европу конца XVI — начала XVII в. Это не значит, конечно, что 20 веков прошли для экономической мысли без следа. Эллинистические философы развивали некоторые идеи Аристотеля. Римские авторы много писали по предмету, который мы называем экономикой сельского хозяйства. Под религиозной оболочкой, в которую оделась наука в средние века, порой скрывались своеобразные экономические идеи. Комментируя Аристотеля, схоласты развивали концепцию «справедливой цены». Обо всем этом можно прочесть в любом курсе истории экономической мысли. Но эпоха распада рабовладельческого строя, созревания и господства феодализма не способствовала развитию экономической науки. Политическая экономия как самостоятельная наука возникает лишь в мануфактурный период развития капитализма, когда в недрах феодального строя складываются уже значительные элементы капиталистического производства и буржуазных отношений.

Наука получает имя

Человека, который впервые ввел в социально-экономическую литературу термин *политическая экономия*, звали Антуан Монкретьен, сьер де Ваттевиль. Он был небогатым французским дворянином времен Генриха IV и Людовика XIII. Жизнь Монкретьена наполнена приключениями, достойными д'Артаньяна. Поэт, дуэлянт, изгнанник, приближенный короля, мятежник и государственный преступник, он кончил жизнь под ударами шпаги и в дыму пистолетных выстрелов, попав в засаду, устроенную врагами. Впрочем, такой конец был для мятежника удачей, потому что, будь он захвачен живым, не миновать бы ему пыток и позорной казни. Даже его тело по приговору суда было подвергнуто поруганию: кости раздроблены железом,

труп сожжен и пепел развеян по ветру. Монкретьен был одним из руководителей восстания французских протестантов (гугенотов) против короля и католической церкви. Погиб он в 1621 г. в возрасте 45 или 46 лет, а его «Трактат политической экономии» вышел в 1615 г. в Руане. Неудивительно, что «Трактат» был предан забвению, а имя Монкретьена смешано с грязью. К сожалению, случилось так, что главным источником биографических данных о нем являются пристрастные и прямо клеветнические отзывы его недоброжелателей. Эти отзывы несут на себе печать жестокой политической и религиозной борьбы. Монкретьена честили разбойником с большой дороги, фальшивомонетчиком, низким корыстолюбцем, который якобы перешел в протестантскую религию только ради того, чтобы жениться на богатой вдове-гугенотке.

Прошло почти 300 лет, прежде чем доброе имя Монкретьена было восстановлено, а почетное место в истории экономической и политической мысли прочно закреплено за ним. Теперь ясно, что его трагическая судьба не случайна. Участие в одном из гугенотских мятежей, которые были в известной мере формой классовой борьбы бесправной французской буржуазии против феодально-абсолютистского строя, оказалось закономерным исходом жизни этого простолюдина по рождению (отец его был аптекарь), дворянина по случаю, гуманиста и воина по призванию.

Получив хорошее для своего времени образование, Монкретьен в 20 лет решил сделаться писателем и опубликовал трагедию в стихах на античный сюжет. За ней последовало несколько других драматических и поэтических произведений. Известно также, что он сочинял «Историю Нормандии». В 1605 г., конца Монкретьен был уже известным писателем, он был вынужден бежать в Англию после дуэли, которая закончилась смертью противника.

Четырехлетнее пребывание в Англии сыграло в его жизни такую же роль, как через несколько десятилетий в жизни Петти — пребывание в Голландии: он увидел страну с более развитым хозяйством и более развитыми буржуазными отношениями. Монкретьен начинает живо интересоваться торговлей, ремеслами, Экономической политикой. Глядя на английские порядки, они мысленно примеряет их к Франции. Возможно, для его дальнейшей судьбы имело значение то обстоятельство, что в Англии он встретил много французских эмигрантов-гугенотов. Большинство из них были ремесленники, многие весьма искусные Монкретьен увидел, что их труд и мастерство принесли Англии немалую выгоду, а Франция, понудив их к эмиграции, понесла большую потерю.

Во Францию Монкретьен вернулся убежденным сторонником развития национальной промышленности и торговли, защитником интересов третьего сословия. Свои новые идеи он начал осуществлять на практике. Женившись на богатой вдове, он основал мастерскую скобяного товара и стал сбывать свой товар в Париже, где у него был свой склад. Но главным его занятием была работа над «Трактатом». Несмотря на громкое название, он писал сугубо практическое сочинение, в котором пытался убедить правительство в необходимости всестороннего покровительства французским промышленникам и купцам. Монкретьен выступает за таможенный протекционизм — высокие пошлины на иностранные товары, чтобы их ввоз не мешал национальному производству. Он прославляет труд и поет необычную для своего времени хвалу классу, который он считал главным создателем богатства страны: «Добрые и славные ремесленники чрезвычайно полезны

для своей страны; я осмелюсь сказать, что они необходимы и должны пользоваться почтением».

Монкретьен был одним из видных представителей *меркантилизма*, о котором пойдет речь в следующей главе. Он мыслил хозяйство страны прежде всего как объект государственного управления. Источником богатства страны и государства (короля) он считал прежде всего внешнюю торговлю, особенно вывоз промышленных и ремесленных изделий.

Свой труд, который он посвятил молодому королю Людовику XIII и королеве-матери, Монкретьен сразу после выхода в свет представил хранителю государственной печати (министру финансов). По-видимому, верноподданническая по форме, книга была сначала принята при дворе неплохо. Автор ее стал играть известную роль как своего рода экономический советник, а в 1617 г. занял пост градоначальника в городе Шатильон-на-Луаре. Вероятно, в это время он получил дворянство. Когда Монкретьен перешел в протестантство и как он оказался в рядах повстанцев-гугенотов, неизвестно. Возможно, он разочаровался в надеждах на активное и реальное осуществление его проектов королевским правительством и был возмущен, видя, что оно вместо этого раздувает пожар новой религиозной войны. Может быть, он пришел к выводу, что сложившимся у него принципам больше соответствует протестантизм, и, будучи человеком решительным и смелым, поднял за него оружие.

Но вернемся к «Трактату политической экономии». Почему Монкретьен так назвал свое сочинение и была ли в этом какая-нибудь особая заслуга? Едва ли. Меньше всего он думал, что дает название новой науке. Такое или подобное сочетание слов, так сказать, носилось в воздухе — в воздухе эпохи Возрождения, когда воскрешались, переосмысливались и получали новую жизнь многие идеи и понятия античной культуры. Как всякий хорошо образованный человек своего времени, Монкретьен знал греческий и латинский языки, читал древних авторов. В «Трактате», следуя духу времени, он то и дело ссылается на них. Несомненно, ему было известно, какой смысл слова *экономия* и *экономика* имели у Ксенофонта и Аристотеля. У писателей XVII в. эти слова по-прежнему означали еще домоводство, управление семьей и личным хозяйством. Немного позже Монкретьена один англичанин опубликовал книгу под названием «Наблюдения и советы экономические». Автор определял экономию как «искусство хорошего управления домом и состоянием» и занимался, например, такой проблемой, как выбор джентльменом подходящей жены. Согласно его «экономическому» совету, следует выбирать в супруги даму, которая «будет столь же полезной днем, сколь приятной ночью».

Очевидно, это была не совсем та экономия, которая интересовала Монкретьена. Все его помыслы были направлены именно на процветание хозяйства как *государственной, национальной общности*. Конечно, речь шла не о том государстве какое знал и изображал Аристотель, *но* дела этого государства оставались делами *политическими*. Не удивительно, что перед словом *экономная* он поставил определение *политическая*.

Добрых 150 лет после Монкретьена политическая экономия рассматривалась преимущественно как наука о *государственном хозяйстве*, об экономике национальных государств, управляемых, как правило, абсолютными монархами. Только при Адаме Смите, с создающем классической школы буржуазной политической экономии, ее характер изменился и она стала превращаться а науку о законах хозяйства вообще, в частности об экономических отношениях классов. Немцу Фридриху Листу, ярому националисту в экономике, чтобы подчеркнуть, свое отличие от космополитической всеобщности классической школы пришлось уже в 40-х годах XIX в. назвать свое сочинение «Национальная система политической экономии». Если бы он написал просто «политическая экономия» его бы уже не поняли так, как двумя столетиями раньше поняли Монкретьена.

Главная заслуга Монкретьена, конечно, не в том, что он дал своей книге такой удачный титульный лист. Это было одно из первых во Франции и в Европе сочинений, специально посвященное экономическим проблемам. В нем выделялся и ограничивался особый предмет исследования, отличный от предмета других общественных наук.

Политическая экономия и экономика

В 1964 г. в переводе на русский язык вышла книга американского экономиста П. Самуэльсона «Экономика. Вводный курс». В предисловии от редакции говорится, что «Экономика» Самуэльсона является в настоящее время самым распространенным буржуазным учебником политической экономии. Книга выдержала в США только с 1948 по 1961 г. пять изданий, автор — влиятельное лицо в определении экономической политики США.

Хотя эта книга представляет сама по себе интерес (и мы еще будем к ней обращаться), сейчас для нас важно другое. Если это курс политической экономии, то почему он так не называется? Что это, небрежность издательства и редакторов? И есть ли здесь вообще вопрос, может быть, эти понятия равнозначны? Попробуем разобраться. Мы увидим, что речь здесь идет не только о словах.

Начнем с того, что заглянем в словарь иностранных слов. Там говорится, что в современном русском языке слово «экономика» имеет два смысла. В первом смысле (совокупность производственных отношений) мы его уже не раз употребляли. Во втором смысле это «обозначение науки, изучающей данную совокупность производственных отношений».

Однако термины *экономика* и *политическая экономия* не следует считать равнозначными. В настоящее время термин *экономика* в смысле отрасли знания понимают скорее как *экономические науки*. Наряду с политической экономией эти науки включают теперь многообразные отрасли знания об экономических процессах. Организация производства, труда, сбыта продукции, финансирования на предприятиях — предмет экономических наук. Это относится как к капиталистическому, так и к социалистическому

хозяйству. Как известно, в рамках больших капиталистических концернов осуществляется капиталистическое планирование, а его методы и формы представляют опять-таки предмет экономической науки. Государственно-монополистическое регулирование хозяйства, без которого немыслим современный капитализм, также нуждается в фундаменте объективных знаний о хозяйстве в его совокупности и по отдельным отраслям. Увеличиваются, таким образом, практические функции экономических наук.

Читатель хорошо знает, что и в нашей жизни профессия экономиста теперь включает весьма разнородные функции, начиная от очень конкретной, инженерно-экономической или планово-экономической работы и кончая сугубо идеологической деятельностью по преподаванию и пропаганде марксистско-ленинской политической экономии.

Все это можно объяснить сложностью самого понятия производственных отношений. Одни их формы носят наиболее общий, социальный характер. Это собственно предмет политической экономии. Другие рассматривают более конкретные формы производственных отношений, непосредственно связанные с техникой, с производительными силами. Иные технико-экономические проблемы связаны с производственными отношениями лишь сугубо косвенно. Значение конкретных экономических наук будет неизбежно возрастать. С их развитием в основном связано внедрение математики и новейшей счетно-аналитической техники в экономические исследования и в практику управления хозяйством.

Как философия, бывшая когда-то наукой наук и обнимавшая, по существу, все отрасли знания, стала теперь лишь «одной из многих», так и политическая экономия, обнимавшая ранее все экономические явления, теперь стала только головной в семье экономических наук. Это закономерно.

Вернемся в Самуэльсону. Означает ли название книги, что в ней рассматривается более широкий круг вопросов, чем собственно проблематика политической экономии? Отчасти да. В ней есть элементы бухгалтерского учета, науки об управлении предприятиями, банковского дела и т. п. Вытеснение в английском языке термина *political economy* термином *economics* (таково в оригинале название книги) объясняется в известной мере той же причиной — специализацией экономических наук.

Но дело не ограничивается этим. Политическая экономия, какой она вышла из рук Смита и Рикардо, была в своем существе наукой о классовых отношениях людей в буржуазном обществе. Центральной ее проблемой было распределение продукта (или доходов) — проблема социальная, и притом социально острая. Уже многие последователи Рикардо пытались смягчить социальную остроту его политической экономии, которая представляла собой высшее достижение классической школы. Но этого было уже недостаточно для буржуазии: ведь одновременно на базе рикардизма возникла политическая экономия Маркса, открыто провозгласившая предметом науки общественные производственные отношения и сделавшая вывод о закономерности гибели капитализма.

Поэтому в 70-х годах прошлого столетия одновременно в ряде стран появились и укрепились новые экономические концепции, которые на основе отказа от трудовой теории стоимости стремились лишить политическую экономию ее социальной остроты. В центре науки были поставлены некоторые общие принципы, лишённые общественного и исторического

содержания: принцип убывания субъективной полезности благ при потреблении, принцип экономического равновесия. По существу, предметом этой политической экономии оказались не столько общественные отношения людей в связи с производством, сколько отношения людей к вещам.

Главной проблемой экономической науки стала «технологическая», лишенная социального содержания проблема выбора между альтернативными возможностями использования данного блага, или, как стали говорить, данного фактора производства: труда, капитала, земли. Проблема оптимального использования ограниченных ресурсов несомненно существенна для любого общества и входит в сферу экономических наук. Но она не может целиком определять предмет политической экономии.

Была провозглашена «социальная нейтральность» политической экономии: какое дело такой науке до классов, эксплуатации и классовой борьбы? Но за этим скрывалась новая форма идеологической защиты капитализма. В руках этих экономистов — Джевонса в Англии, Менгера и Визера в Австрии, Вальраса в Швейцарии, Дж. Б. Кларка в США — «старая» политическая экономия превратилась в нечто неузнаваемое. Теперь это был набор абстрактно-логических и математических схем, в основе которых лежит субъективно-психологический подход к экономическим явлениям. Естественно, что этой науке скоро потребовалось и другое название. Стали говорить о «чистой экономии», очищенной от всего социального. Термин «политическая экономия», который по буквальному смыслу и по традиции имел именно социальное содержание, стал неудобным и стеснительным.

Американский историк экономической мысли Бен Б. Селигмен пишет, что Джевонс «успешно освободил политическую экономию от слова «политическая» и превратил экономику в науку, изучающую поведение атомистических индивидуумов, а не поведение общества в целом».

Еще яснее суть происшедшего «переворота» в науке будет видна, если мы процитируем слова другого видного буржуазного ученого — француза Эмиля Жамса: «Эти новые классики (так принято в буржуазной литературе называть поименованных выше экономистов.— А. А.) полагали, в частности, что объектом экономической науки должно быть описание тех механизмов, которые действуют во всех экономических системах, причем надо стремиться не высказывать о них своих суждений. В отношении социальных проблем их основные теории были нейтральны, то есть из них нельзя было извлечь ни одобрения, ни порицания существующих режимов». Новые австрийские экономисты «в своих объяснениях стоимости через предельную полезность нацеливались, в частности, против марксистской трудовой теории стоимости».

В течение следующего столетия буржуазные экономисты развивали технику экономического анализа, основанного на этих принципах. На них же базируется и книга Самуэльсона. Таким образом, ее русское название «Экономика» отражает также и подход современных буржуазных ученых к методам экономического анализа, имеющий целью выхолостить социальное содержание экономической науки.

Глава 2

ЗОЛОТОЙ ФЕТИШ И НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ: МЕРКАНТИЛИСТЫ

Америка была открыта благодаря погоне европейцев за индийскими пряностями, завоевана и освоена — вследствие их ненасытной жажды золота и серебра. Великие географические открытия были следствием развития торгового капитала и в свою очередь в огромной мере способствовали его дальнейшему развитию. Торговый капитал являлся исторически исходной формой капитала. Из этой формы постепенно вырастал капитал промышленный.

Главным направлением экономической политики и экономической мысли в XV—XVII вв. (в значительной мере и в XVIII в.) был *меркантилизм*. Если попытаться предельно кратко выразить его сущность, то она сводится к следующему: в экономической политике — всемерное накопление драгоценных металлов в стране и в государственной казне; в теории — поиски экономических закономерностей в сфере обращения (в торговле, в денежном обороте).

«Люди гибнут за металл...» Золотой фетиш сопутствует всему развитию капиталистического строя и является составной частью буржуазного образа жизни и образа мыслей. Но в эпоху преобладания торгового капитала блеск этого идола был особенно ярк. Купить, чтобы продать дороже,— вот принцип торгового капитала. А разница мыслится в форме желтого металла. О том, что эта разница (в конечном счете прибавочная стоимость) может возникнуть только из производства, только из труда, еще не думают. Продать за границу больше, чем покупается за границей,— вот верх государственной мудрости меркантилизма. А разница опять-таки представляется людям, управляющим государством, и людям, мыслящим и пишущим для них, в виде золота (и серебра), плывущего в страну из-за границы. Если в стране будет много денег, все будет хорошо, говорят они.

Первоначальное накопление

Эпоха первоначального накопления представляет собой предысторию буржуазного способа производства, как меркантилизм — предысторию буржуазной политической экономии. Сам термин *первоначальное накопление*, видимо, впервые употребил Адам Смит: он писал, что условием роста производительности труда на основе развития многих связанных между собой отраслей производства является первоначальное накопление капитала.

Маркс говорит о «так называемом первоначальном накоплении». Дело в том, что со времен Смита этот термин укоренился в буржуазной науке и приобрел особый, благопристойный для буржуазии смысл: «В незапамятные времена существовали, с одной стороны, трудолюбивые и, прежде всего, бережливые разумные избранники и, с другой стороны, ленивые оборванцы, прокучивающие все, что у них было, и даже больше того... Так случилось, что первые накопили богатство, а у последних, в конце концов, ничего не осталось для продажи, кроме их собственной шкуры».

Таким образом, весь этот процесс, в итоге которого в обществе выделились классы капиталистов и наемных рабочих и возникли условия для быстрого развития капитализма, изображался буржуазными учеными, современными Марксу, как экономическая идиллия. В ней царят право и справедливость, вознаграждение за труд и наказание за лень и расточительство.

Ничто не может быть дальше от истины. Конечно, первоначальное накопление капитала — это реальный исторический процесс. Но проходил он

в действительности в ходе жестокой классовой борьбы, был связан с угнетением, с насилием и обманом.

Это не было результатом чьей-то злой воли, «исконной» склонности людей к насилию и т. п. Нет, в ходе первоначального накопления только пробивала себе дорогу объективная историческая закономерность. Более того, этот процесс был по своей сущности прогрессивен, он вел общество вперед. Эпоха первоначального накопления — эпоха относительно быстрого увеличения производства, роста промышленных и торговых городов, развития науки и техники. Это эпоха Возрождения, которая несла с собой расцвет культуры и искусства после тысячелетнего застоя.

Но в свою очередь и наука, и культура могли быстро развиваться в эту эпоху потому, что происходила ломка старых феодальных общественных отношений, их место занимали новые, буржуазные отношения. Не могло быть и речи об идиллии, когда происходило превращение миллионов мелких хозяев, частью еще полукрепостных, частью уже свободных земельных собственников, в городских и сельских пролетариев. Не могло быть и речи об идиллии, когда формировался класс капиталистов-эксплуататоров, религией которых были деньги.

В XVI в. в ряде стран Западной Европы — в Англии, во Франции, в Испании — сложились централизованные национальные государства с сильной королевской властью. В ходе вековой борьбы она одолела своеволие баронов и подчинила их себе. Феодальные дружины были распущены, воины и челядь феодалов оказались «без работы». Если эти люди не хотели идти в батраки, они шли в армию и флот, отправлялись в колонии в надежде на сказочные богатства Америки или Ост-Индии. Но если в батраках они обогащали фермеров и помещиков, то, уходя за море, они чаще всего обогащали купцов, плантаторов, судовладельцев. Немногие «выходили в люди», богатели и сами превращались в купцов или плантаторов. Иным крупным состояниям положило начало пиратство, прямой разбой.

Города, ремесленная и торговая буржуазия были союзниками и опорой королей в их борьбе с баронами. Города давали королевской власти деньги и оружие, а иногда и людей для этой борьбы. Да и само передвижение центров хозяйственной жизни в города подрывало власть и влияние феодалов. Но буржуазия в свою очередь требовала от государственной власти поддержки ее интересов против феодалов, против «черни» и против иностранных конкурентов. И государство оказывало ей эту поддержку. Торговые компании и ремесленные корпорации получали от королей разные привилегии и монополии. Издавались законы, которые под страхом жестоких наказаний заставляли бедняков работать на предпринимателей, устанавливали максимум заработной платы. В интересах городской, особенно торговой, буржуазии проводилась экономическая политика меркантилизма. Во многих случаях меркантилистские мероприятия соответствовали и интересам дворянства, поскольку его доходы были так или иначе связаны с торгово-предпринимательской деятельностью.

Началом, исходным пунктом всякого предпринимательства являются деньги, которые превращаются в денежный капитал, когда владелец нанимает на них рабочих, покупает товары для обработки или перепродажи. Этот факт лежит в основе меркантилизма, сутью и целью которого было привлечение в страну денег — драгоценных металлов.

В эпоху раннего меркантилизма эти мероприятия были примитивны.

Иностранных купцов принуждали расходовать на месте всю выручку от продажи их товаров в пределах данной страны и даже назначали для этого особых «надзирателей», иногда тайных. Вывоз золота и серебра за границу просто запрещался.

Позже — в XVII и XVIII вв.— государства Европы перешли к более гибкой и конструктивной политике. Правители и их советники поняли, что самый надежный способ привлечь в страну деньги — развивать производство экспортных товаров и добиваться превышения вывоза над ввозом. Поэтому государственная власть стала насаждать промышленное производство, покровительствовать мануфактурам и основывать их. Так было и при Людовике XIV во Франции, и при Петре I в России. В Англии государство не строило свои мануфактуры, но оказывало всевозможную поддержку купцам и промышленникам.

Этим двум стадиям в политике меркантилизма соответствуют и две стадии в развитии его экономической теории. Ранний меркантилизм, который называют также *монетарной системой*, не шел дальше разработки административных мероприятий для удержания денег в стране. Развитый меркантилизм ищет источники обогащения нации не в примитивном накоплении сокровищ, а в развитии внешней торговли и активном торговом балансе (превышении экспорта над импортом). Ему уже чужд «административный восторг» предшественников. Представители развитого меркантилизма одобряют лишь такое вмешательство государства, которое, по их представлению, соответствует принципам *естественного права*. Философия естественного права оказала важнейшее влияние на развитие политической экономии в XVII—XVIII вв. В известной мере сама эта наука развивалась в рамках идей естественного права. Эти идеи, ведущие свое происхождение от Аристотеля и других античных мыслителей, получили в новое время и новое содержание. Философы естественного права выводили свои теории из абстрактной «природы человека» и его «природных» прав. Поскольку эти права во многом противоречили светскому и церковному деспотизму средневековья, философия естественного права содержала важные прогрессивные элементы. Гуманисты эпохи Возрождения стояли на позициях естественного права.

Обращаясь к государству, философы и следовавшие по их стопам теоретики меркантилизма рассматривали его как организацию, способную обеспечить природные права человека, в число которых входили собственность и безопасность. Социальный смысл этих теорий состоял в том, что государство должно обеспечивать условия для роста буржуазного богатства.

Связь экономических теорий с естественным правом впоследствии перешла из меркантилизма в классическую политическую экономию. Однако характер этой связи изменился, поскольку в период развития классической школы (физиократы во Франции, смитианство в Англии) буржуазия уже меньше нуждалась в опеке государства и, более того, выступала против чрезмерного государственного вмешательства в хозяйство.

Томас Ман: обыкновенный меркантилист

Англичане называют Лондон the Great Wen, т.е. Большой Зоб, Большая Шишка. Как колоссальный нарост, висит Лондон, который несколько столетий был величайшим городом мира, на ленточке Темзы, и

тысячи видимых и невидимых нитей расходятся от него.

Для истории политической экономии Лондон — особый город. Мировой торгово-финансовый центр был самым подходящим местом для зарождения и развития этой науки. В Лондоне были изданы памфлеты Петти, и его жизнь не менее тесно связана с ним, чем с Ирландией. Через 100 лет в Лондоне вышла в свет книга Адама Смита «Богатство народов». Подлинным продуктом Лондона, его кипучей деловой, политической и научной жизни, был Давид Рикардо. И в Лондоне больше половины жизни прожил Карл Маркс. Там был написан «Капитал».

Томас Ман, характерный выразитель идей самого яркого — английского меркантилизма, родился в 1571 г. Он был коренным лондонцем, так сказать, не только в географическом, но и в социальном смысле: типичным и влиятельным членом могущественной буржуазной корпорации, называемой Лондонское Сити. В течение многих веков Сити было цитаделью английской буржуазии — сильной, богатой и дальновидной. Короли уже в XVI в. чувствовали свою зависимость от Сити и стремились жить в согласии с ним.

Ман происходил из старой семьи ремесленников и торговцев. Его дед был чеканщиком на лондонском монетном дворе, а отец вел торговлю шелком и бархатом. В отличие от своего французского современника Монкретьена, Ман не писал трагедий, не дрался на дуэлях и не участвовал в мятежах. Он прожил жизнь спокойно и с достоинством, как честный делец и умный человек.

Рано потеряв отца, Томас Ман был воспитан в семье отчима, богатого купца и одного из основателей Ост-Индской торговой компании, которая возникла в 1600 г. как ответвление более старой Левантской компании, торговавшей со странами Средиземного моря. Пройдя обучение в лавке и конторе отчима, он начал лет восемнадцати или двадцати службу в Левантской компании и несколько лет провел в Италии, ездил в Турцию и страны Леванта.

Ман быстро разбогател и приобрел солидную репутацию. Достоверно известно, что в 1612 г. Ман живет в Лондоне, так как в этом году он женится на дочери богатого нетитулованного дворянина и поселяется своим домом в приходе святой Елены в районе Бишопсгейт. В 1615 г. он впервые избирается в совет директоров Ост-Индской компании и вскоре становится искуснейшим и активнейшим защитником ее интересов в парламенте и в печати. Но Ман осторожен и не слишком честолюбив: он отклоняет предложение занять пост заместителя управляющего компанией, отказывается от поездки в Индию в качестве инспектора факторий компании. Путешествие в Индию в те времена длилось не менее трех-четырёх месяцев в один конец и было сопряжено с немалыми опасностями: бури, болезни, пираты...

Зато Ман — один из самых видных людей и в Сити и в Вестминстере. В 1623 г. публицист и писатель по экономическим вопросам Мисселден дает ему такую аттестацию: «Его познания об ост-индской торговле, его суждения о торговле вообще, его усердные труды на родине и опыт за границей — все это украсило его такими достоинствами, какие можно только желать в каждом человеке, но какие нелегко найти в эти времена среди купцов».

Допуская возможность преувеличения и лести, мы можем все же не сомневаться, что Ман был отнюдь не заурядным купцом. Как сказал один из новых исследователей, это был стратег торговли. (Слово «торговля», кстати, в

XVII и XVIII вв. у англичан, по существу, равнозначно слову «экономика»).

Зрелость Мана приходится на эпоху двух первых королей из династии Стюартов. В 1603 г., после почти полувекового царствования, умерла бездетная королева Елизавета. Когда она вступала на престол, Англия была изолированным островным государством, раздираемым религиозными и политическими распрями. К моменту ее смерти Англия стала мировой державой с мощным флотом и обширной торговлей. Век Елизаветы был отмечен большим культурным подъемом. Взошедший на английский трон сын казненной шотландской королевы Марии Стюарт Иаков (Джемс) I боялся Сити и нуждался в нем. Он хотел править как абсолютный монарх, но деньги были у парламента и у лондонских купцов. Возникшие в начале 20-х годов финансовые и торговые трудности заставили короля и его министров призвать на совет экспертов из Сити: была образована специальная государственная комиссия по торговле. В 1622 г. в нее вошел Томас Ман. Он был влиятельным и активным членом этого совещательного органа.

В потоке памфлетов и петиций, в дискуссиях, которые велись в комиссии по торговле, в 20-х годах XVII в. были выработаны основные принципы экономической политики английского меркантилизма, проводившиеся в жизнь вплоть до конца столетия. Вывоз сырья (особенно шерсти) запрещался, а вывоз готовых изделий поощрялся, в том числе путем государственных субсидий. Англия захватывала все новые и новые колонии, которые давали промышленникам дешевое сырье, купцам — прибыли от транзитной и посреднической торговли сахаром, шелком, пряностями, табаком. Доступ иностранных промышленных товаров в Англию ограничивался высокими ввозными пошлинами, что ослабляло конкуренцию и содействовало росту отечественных мануфактур (политика *протекционизма*). Огромное внимание уделялось флоту, который должен был перевозить во всем мире грузы и защищать английскую торговлю. Важнейшей целью этих мероприятий было увеличение притока драгоценных металлов в страну. Но в отличие от Испании, куда золото и серебро шло прямо из рудников Америки, в Англии политика привлечения денег оказалась благотворной, ибо средством этой политики было развитие промышленности, флота и торговли.

Между тем над монархией Стюартов собиралась гроза. Сын Иакова I — недалековидный и упрямый Карл (Чарлз) I восстановил против себя буржуазию, которая опиралась на недовольство широких народных масс. В 1640 г., за год до смерти Мана, собрался парламент, который открыто выступил против короля. Завязалась борьба. Началась английская буржуазная революция. Через девять лет Карл был казнен.

Нам неизвестны политические взгляды старого Мана, который не дожил до разворота революционных событий. Но в свое время он выступал против полного абсолютизма, за ограничение власти короны, в частности в налоговой области. Едва ли он, однако, одобрил бы казнь короля. Под конец жизни Ман был очень богат. Он купил значительные земельные поместья и был известен в Лондоне как человек, способный дать крупную ссуду наличными деньгами.

От Мана осталось два небольших сочинения, вошедших, говоря высоким слогом, в золотой фонд экономической литературы. Судьба их не совсем обычна. Первое из этих сочинений было озаглавлено «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией, содержащее ответ на различные возражения, которые обычно делаются против нее» и вышло в 1621 г. под инициалами Т.

М. Это полемическое сочинение направлено против критиков Ост-Индской компании, стоявших на позициях старого примитивного меркантилизма (монетарной системы) и утверждавших, что операции компании наносят Англии ущерб, поскольку компания вывозит серебро для закупки индийских товаров и это серебро безвозвратно теряется Англией. Деловито, с цифрами и фактами в руках Ман опровергал это мнение, доказывая, что серебро отнюдь не пропадает, а возвращается в Англию с большим приращением: товары, привозимые на кораблях компании, иначе пришлось бы закупать втридорога у турок и левантийцев; кроме того, значительная часть их перепродается в другие страны Европы на серебро и золото. Значение этого памфлета для истории экономической мысли состоит, конечно, не просто в защите интересов Ост-Индской компании, а в том, что здесь впервые были систематически изложены доводы зрелого меркантилизма.

В еще большей мере слава Мана покоится на второй его книге, заглавие которой, как писал еще Адам Смит, само выражает основную идею: «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства». Это сочинение было издано лишь в 1664 г., почти через четверть века после его смерти. Долгие годы революции, гражданских войн и республики оно пролежало в ларце с бумагами и документами, унаследованными сыном Мана вместе с недвижимым и движимым имуществом отца. Реставрация Стюартов в 1660 г. и оживление экономических дискуссий побудили 50-летнего богатого купца и землевладельца издать книгу и напомнить публике и властям уже изрядно забытое имя Томаса Мана.

Как говорит Маркс, «сочинение это оставалось еще в течение ста лет евангелием меркантилизма... если меркантилизм имеет какое-нибудь составляющее эпоху сочинение «как своего рода надпись над входом», то таким сочинением следует признать книгу Мана...».

В этой книге, составленной из довольно разнородных глав, написанных, очевидно, в период 1625—1630 гг., сжато и точно изложена самая суть меркантилизма. Ману чужды всякие красоты стиля. По его собственным словам, «за недостатком учености» он пишет «без лишних слов и красноречия, но со всем бескорыстием правды в каждой мелочи». Вместо цитат из древних писателей он оперирует народными поговорками и расчетами дельца. Один лишь раз он упоминает исторический персонаж — царя Филиппа Македонского, и то лишь потому, что последний рекомендовал пускать в ход деньги там, где сила не берет.

Как подлинный меркантилист, Ман видит богатство преимущественно в его денежной форме, в форме золота и серебра. Над его мышлением довлеет точка зрения торгового капитала. Как отдельный торговый капиталист пускает в оборот деньги, чтобы извлечь их с приращением, так страна должна обогащаться путем торговли, обеспечивая превышение вывоза товаров над ввозом. Развитие производства признается им лишь в качестве средства расширения торговли.

Экономические сочинения всегда более или менее определенно преследуют практические цели: обосновать те или иные хозяйственные мероприятия, методы, политику. Но у меркантилистов эти практические задачи особенно преобладали. Ман, как и другие авторы-меркантилисты, был далек от стремления создать какую-нибудь «систему» экономических воззрений. Однако экономическое мышление имеет свою логику, и Ман по

необходимости оперировал теоретическими понятиями, отражавшими реальность: товары, деньги, прибыль, капитал... Так или иначе, он пытался найти причинную связь между ними.

Пионеры

Новое — трудно. И, оценивая достижения мыслителей XVII в., мы должны помнить об огромных трудностях, стоявших перед ними. Великие английские философы-материалисты Френсис Бэкон и Томас Гоббс еще только разрабатывали новый подход к природе и обществу, ставивший главной задачей науки выяснение их объективных закономерностей. В экономическом мышлении надо было преодолеть устоявшиеся веками религиозно-этические принципы. Ранее основной вопрос состоял в том, что *должно быть* в экономической жизни в соответствии с буквой и духом писания. Теперь речь шла о том, что *есть в действительности* и что нужно сделать с этой действительностью в интересах «богатства общества».

Хотя великие географические открытия и рост торговли расширили горизонт, люди еще очень мало знали о мире. Да что говорить о заморских странах! Даже географические и экономические описания Англии были недостоверны, полны ошибок и нелепостей. Пионеры экономической мысли имели в своем распоряжении крайне скудную сумму фактов и не имели почти никакой статистики. Но жизнь властно диктовала новый взгляд на дела человеческие и толкала пытливые умы в новые области. На протяжении столетия между Маном и Смитом количество выходявших в свет экономических сочинений в Англии быстро росло. Первая библиография таких сочинений, составленная Дж. Мэсси в 1764 г., насчитывала свыше 2300 названий. В основном это меркантилистская литература, хотя в работах Петти, Локка, Норса и некоторых других писателей уже закладывались основы классической политической экономии.

Меркантилизм ни в коей мере не был специфически английским явлением. Политика накопления денег, протекционизма и государственной регламентации хозяйства проводилась в XV—XVIII вв. во всей Европе — от Португалии до Московии. Развитые формы *политика* меркантилизма получила во Франции во второй половине XVII в. при всемогущем министре Кольбере. *Теорию* меркантилизма успешно разрабатывали итальянские экономисты. Если у англичан в заглавие почти каждого меркантилистского трактата входило слово «торговля», то у итальянцев таким словом были «деньги», «монета»: для раздробленной Италии проблема денег и их обмена между мелкими государствами имела первостепенное значение. В Германии меркантилизм в форме так называемой камералистики был официальной экономической доктриной вплоть до начала XIX в.

Но ведущую роль в разработке идей меркантилизма играли английские экономисты. Это объясняется быстрым экономическим развитием Англии, зрелостью английской буржуазии. Маркс, давший глубокий анализ меркантилизма, опирался в основном на труды английских авторов.

Адам Смит ввел взгляд на меркантилизм как на своего рода предрассудок. Этот взгляд укрепился у вульгаризаторов классической политической экономии. Маркс возражал против этого: «...не следует представлять себе этих меркантилистов такими глупцами, какими их изображали впоследствии вульгарные сторонники свободной торговли». Для своего времени зрелый меркантилизм был серьезным достижением науки. Самые талантливые из этих пионеров экономической мысли могли бы стоять в одном ряду с крупнейшими мыслителями XVII в. — философами, математиками, естествоиспытателями.

Национальный характер меркантилизма как теоретической системы и как политики имел свои основания. Ускоренное капиталистическое развитие было возможно только в национальных рамках и во многом зависело от государственной власти, которая содействовала накоплению капитала и тем самым хозяйственному росту. Своими взглядами меркантилисты выражали подлинные закономерности и потребности экономического развития.

Почему «богатство», т. е. создаваемая, потребляемая и накапливаемая масса благ — потребительных стоимостей, растет в одной стране интенсивнее, чем в другой? Что можно и нужно сделать в масштабе предприятий и, особенно, государства, чтобы богатство росло быстрее? Нетрудно видеть, что именно способность политической экономии давать ответы на эти вопросы оправдывает ее существование как науки. Меркантилисты пытались найти ответы и искали их в условиях экономики своей эпохи. Можно сказать, что они первыми выдвинули задачу «рационального хозяйствования» как важнейшую проблему экономической науки. Многие их эмпирические выводы и рекомендации были объективно оправданы и в этом смысле научны.

Вместе с тем они сделали первые шаги и в смысле познания законов движения и внутреннего механизма капиталистической экономики. Это познание было весьма поверхностным и односторонним, поскольку они искали разгадку секретов экономики в сфере обращения. Производство они рассматривали, по замечанию одного из критиков, только как «необходимое зло», как средство для обеспечения притока денег в страну, вернее, в руки торговых капиталистов. Между тем основой всякого общества является производство материальных благ, а обращение вторично по отношению к

нему.

В свою очередь, этот взгляд меркантилистов объясняется тем, что торговый капитал был в то время преобладающей формой капитала вообще. Производство еще в подавляющей части велось докапиталистическим способом, но сфера обращения, особенно внешняя торговля, была уже захвачена крупным по тем временам капиталом. Не случайно деятельность таких компаний, как Ост-Индская, Африканская и др., находилась в Англии в центре экономических дискуссий в течение всего XVII и первой половине XVIII в.

Само «богатство нации» меркантилисты, по существу, рассматривали через призму интересов торгового капитала. Поэтому они не могли не заниматься такой важнейшей экономической категорией, как *меновая стоимость*. Она-то их, в сущности, и интересовала как теоретиков, ибо в чем более ярко воплощается меновая стоимость, как не в деньгах, в золоте? Однако даже исходная аристотелева идея уравнивания разных благ и разных видов труда в обмене была им чужда. Напротив, им представлялось, что обмен по своей природе неравен, неэквивалентен. (Этот взгляд имел свое историческое основание в том, что они рассматривали прежде всего внешнеторговый обмен, который был нередко заведомо неэквивалентным, особенно в торговле с отсталыми и «дикими» народами.) Меркантилисты, как правило, не развивали теорию трудовой стоимости, зачатки которой имеются у Аристотеля и некоторых средневековых авторов.

Прибавочная стоимость, которая в действительности является плодом присваиваемого капиталистами неоплаченного труда наемных рабочих, у меркантилистов выступает в образе торговой прибыли. Прирост и накопление капитала представлялись им не результатами эксплуатации труда, а порождением обмена, особенно внешней торговли.

Но эти иллюзии и заблуждения не исключали того, что многие проблемы меркантилисты видели в верном свете. Так, важным предметом их заботы было фактически вовлечение в капиталистическое производство возможно большей части населения. В сочетании с предельно низкой реальной заработной платой это должно было увеличивать массу прибыли и ускорять накопление капитала. Меркантилисты придавали большое значение в экономическом развитии эластичной денежной системе (см. подробнее гл. 5 о Джоне Ло). Их понимание роли денежных факторов в экономике было в некоторых отношениях глубже, чем у Адама Смита. Полагаясь в своих экономических проектах на сильную государственную власть, поздние меркантилисты вместе с тем часто возражали против чрезмерной и мелочной государственной регламентации хозяйства. Это особенно характерно для англичан, выражавших интересы сильной, самостоятельной и опытной буржуазии, нуждавшейся в государстве лишь для общей защиты ее интересов.

Томас Ман упорно боролся против жесткого регулирования вывоза драгоценных металлов. Он писал, что как крестьянину необходимо бросить зерно в землю, чтобы получить позже урожай, так купцу надо вывезти деньги и купить иностранные товары, чтобы затем продать больше своих товаров и дать нации выгоды в виде дополнительного количества денег.

Меркантилизм и наша эпоха

Меркантилизм как направление в экономической теории сошел со сцены к концу XVIII в. Условиям промышленной революции и фабричной

индустрии более соответствовали принципы классической политической экономии. Преобладание этих принципов было особенно полным в самых передовых капиталистических странах — в Англии и во Франции. В экономической политике отражением этого было ослабление прямого вмешательства государства в экономику и во внешнюю торговлю.

Однако в странах, которые позже вступали на путь капиталистического развития, идеи классической школы не могли полностью укорениться. Буржуазия этих стран не хотела признавать, что в экономике надо все предоставить свободной игре сил. Не без основания она полагала, что в такой игре лучшие шансы на выигрыш имеет именно английская, а также французская буржуазия. Поэтому некоторые конкретные идеи меркантилистов никогда не умирали, а арсенал их политики — государственное руководство хозяйством, протекционизм, обеспечение изобилия денег в стране — во многих случаях активно использовался правительствами.

Настал XX век. В промышленных буржуазных странах развился государственно-монополистический капитализм. Экономические идеи, соответствующие этим условиям и отражающие задачи государственного воздействия на хозяйство, наиболее полно высказал в 30-х годах нашего столетия английский теоретик Джон Мейнард Кейнс. Буржуазная экономическая мысль в последние десятилетия развивалась в большой мере под знаком его идей. Они во многом определяют экономическую политику современного капитализма, на которую опираются теперь монополии и государство, стремясь удержать свои позиции в экономическом соревновании с социалистической системой.

Капитализм не может больше существовать на основе саморегулирования, утверждал Кейнс. Государство должно взять на себя задачу регулирования экономики. Эта задача сводится главным образом к тому, чтобы поддерживать и стимулировать платежеспособный спрос, который имеет тенденцию хронически отставать от производства. Таким путем надо бороться с безработицей и недогрузкой предприятий. Частных капиталистов необходимо постоянно подталкивать, чтобы они делали инвестиции капитала, т. е. строили новые предприятия, расширяли производство.

Невмешательство государства в экономику, которое полтора столетия провозглашала буржуазная политическая экономия, — ложная и опасная идея. Прежде всего государство должно обеспечить изобилие денег в стране и их «дешевизну», т. е. низкие ставки ссудного процента. При таком положении капиталисты будут охотно брать в банках ссуды, делать инвестиции, а значит, нанимать рабочих и выплачивать им заработную плату. Свобода торговли — предрассудок. Если это необходимо для полной занятости, допустимы и ограничения ввоза иностранных товаров, и демпинг (вывоз своих товаров по низким ценам для захвата рынков), и девальвация валюты.

Читатель, вероятно, улавливает ход мыслей Кейнса. Еще раз напомним, что это не мудрствования далекого от жизни профессора, а сугубо практическая «мудрость», которой теперь во многом руководствуются правительства главных капиталистических стран.

Эти рекомендации до странности напоминают идеи меркантилистов, — разумеется, с учетом всей разницы между современной капиталистической экономикой и той экономикой, которая была в Западной Европе 250—300 лет

назад. Шведский ученый Эли Хекшер, признанный специалист по меркантилизму, пишет: «Взгляды Кейнса на экономические явления удивительно похожи на взгляды меркантилистов, хотя его социальная философия совершенно иная...» Конечно, иная! Кейнс — идеолог современного государственно-монополистического капитализма, а меркантилисты выражали интересы нарождавшейся торгово-промышленной буржуазии эпохи раннего капитализма.

Кейнс выражался прямо. Если он не признавал Маркса, то он и не делал в его сторону лицемерных поклонов, как некоторые буржуазные ученые. Если он ставил своей задачей ниспровержение «классической доктрины» (под которой он понимал, грубо говоря, концепции саморегулирования и невмешательства государства в экономику), то он объявлял об этом на первой же странице. Так же он поступил и с меркантилистами, открыто признав их своими предшественниками. Правда, критики, особенно тот же профессор Хекшер, потом показали, что Кейнс отчасти просто приписывал авторам XVII и XVIII столетий свои собственные идеи, толковал этих авторов, мягко говоря, своеобразно и в удобном для себя смысле. Тем не менее, родство Кейнса с меркантилистами многозначительно. Кейнс сам сформулировал четыре пункта, роднящие его с ними.

Во-первых, меркантилисты, по его мнению, связывали свое стремление к увеличению массы денег в стране с задачей понижения ссудного процента и поощрения инвестиций. Как мы только что видели, это одна из ключевых идей Кейнса. Во-вторых, меркантилисты не боялись повышения цен и считали, что высокие цены способствуют расширению торговли и производства. Кейнс является одним из основателей современных концепций «умеренной инфляции» как средства поддержания экономической активности. В-третьих, «меркантилисты были родоначальниками... представления о недостатке денег как о причине безработицы». Кейнс выдвинул идею, что увеличение количества денег путем кредитной экспансии банков и дефицитов государственного бюджета может быть важнейшим орудием борьбы с безработицей. В-четвертых, «меркантилисты не обманывались насчет националистического характера их политики и ее тенденций к развязыванию войны». Кейнс считал, что протекционизм может помочь в данной стране разрешению проблемы занятости и выступал за экономический национализм.

К этому надо бы добавить пятый пункт, который Кейнс считал, видимо, само собой разумеющимся упор на важную роль государства в экономике.

Выше говорилось, что в конце XIX в. буржуазная политическая экономия окончательно отказалась от трудовой теории стоимости и других теоретических основ классической школы. Теперь она отказалась и от экономической политики, вытекающей из учения классиков буржуазной политической экономии. Коренная причина этого — обострение противоречий капитализма. В усилении государственного вмешательства буржуазные экономисты ищут способа смягчить эти противоречия. А концепцию всесилья государства в экономике в прошлом наиболее полно выразил меркантилизм. Отсюда и родство.

Не вся современная буржуазная политическая экономия пошла по пути кейнсианства. Имеются целые школы, отрицающие необходимость усиления государственного вмешательства в экономику. Они выступают за «свободу

частного предпринимательства», против инфляционных увлечений кейнсианцев. Такие авторы иногда называют попытки государственного воздействия на экономику, на производство и занятость «неомеркантилизмом», вкладывая в этот термин отрицательный смысл. В их понимании любое такое государственное воздействие ведет к ущемлению свободы личности и не соответствует «западным идеалам». Эти критики «неомеркантилизма» не видят того, что (может быть, бессознательно) выражают своими теориями кейнсианцы: усиление роли современного буржуазного государства в экономике есть объективная закономерность. Иначе капитализм уже не может справиться с порожденными им силами.

Вот один из образчиков такой продукции: сборник статей под редакцией двух профессоров, озаглавленный «Центральное планирование и неомеркантилизм». Там предаются анафеме любые попытки регулирования экономики развитых капиталистических стран. Едва ли, однако, найдется сейчас в мире капитализма правительство, которое согласилось бы с такой точкой зрения, цитируемой в одной из статей: «Регулирование денег и банковского дела может считаться функцией государства не более чем такой функцией является регулирование выращивания и сбыта лука».

С другой стороны, кличкой «неомеркантилизм» бросается тень на экономическую политику молодых развивающихся государств. Государственный сектор в экономике, народнохозяйственные планы и программы именуются неомеркантилизмом. Защита национальной промышленности с помощью таможенных тарифов и других мер тоже неомеркантилизм. Двусторонние торговые соглашения, финансирование индустриализации путем государственных займов, регулирование цен и ограничение прибылей монополий — опять и опять неомеркантилизм.

А как же могут развиваться эти страны? На основе свободы торговли, т. е. свободы действий иностранных монополий, при благожелательном невмешательстве государства. Тогда, очевидно, не будет неомеркантилизма. Но тогда не будет и независимого экономического развития, ибо именно эти условия консервируют отсталость и зависимость!

Итак, слово *меркантилизм* живет не только в книгах исторического характера. Это понятие сложно, и в нем по-разному отражается идеологическая борьба нашего времени.

Глава 3

ДОСТОСЛАВНЫЙ СЭР УИЛЬЯМ ПЕТТИ

Современниками Томаса Мана были Шекспир и Бэкон — великие новаторы в искусстве и науке. Такой новатор в политической экономии — Уильям Петти — явился через поколение. Замечательные же люди среднего между ними поколения, родившиеся на рубеже XVI и XVII столетий, были воинами и проповедниками. Вождь и герой умеренной буржуазии Оливер Кромвель и его более левый политический соперник Джон Лилберн выступали с мечом в правой и с библией в левой руке. Политическая и социальная революция в XVII в. в силу тогдашних исторических условий приняла религиозное обличье, она оделась в суровый костюм пуританства.

В кромвелевском протекторате буржуазия исчерпала свою революционность и в 1660 г. в союзе с новым дворянством опять посадила на

престол династию Стюартов в лице Карла II, сына казненного короля. Произошла Реставрация. Но это была уже не та монархия: революция не прошла даром. Буржуазия укрепила свои позиции за счет старого феодального дворянства.

За революционное 20-летие (1641—1660 гг.) выросло и новое поколение людей, на образ мыслей которых революция наложила сильный, хотя и весьма разный, отпечаток. Политика и религия (а они были неразрывно связаны) в какой-то мере вышли из моды. Людям, юность которых пришлось на 40-е и 50-е годы, претили схоластические споры, в которых библия служила главным источником аргументов. От революции они унаследовали другое: дух буржуазной свободы, разума и прогресса. Яркое созвездие талантов засияло в науке. Звездами первой величины в нем были физик Роберт Бойль, философ Джон Локк и, наконец, великий Исаак Ньютон.

К этому поколению и кругу людей принадлежал Уильям Петти, по выражению Маркса, «отец политической экономии и в некотором роде изобретатель статистики».

Петти шагает сквозь века

В истории политической экономии бывали случаи, когда людей забывали и воскрешали вновь.

Так была почти забыта несколько загадочная фигура замечательного англо-французского экономиста начала XVIII в. Ричарда Кантильона, у которого, как отмечает Маркс, обильно заимствовали такие выдающиеся экономисты, как Франсуа Кенэ, Джемс Стюарт и Адам Смит. В конце XIX в. он был фактически открыт заново.

Немец Герман Генрих Госсен выпустил в 1854 г. книгу, которая привлекла столь мало внимания, что разочарованный автор через четыре года изъясил ее из книжных лавок и уничтожил почти весь тираж. 20 лет спустя на нее случайно наткнулся Джевонс и объявил Госсена, которого давно не было в живых, первооткрывателем «новой политической экономии». Теперь так называемые законы Госсена, трактующие с субъективно-психологической позиции категорию полезности экономических благ, занимают видное место в любом буржуазном учебнике политической экономии и в книгах по ее истории.

Уильяма Петти не надо было открывать заново. Он был если не знаменит, то хорошо известен уже при жизни. С его идеями был знаком Адам Смит. Мак-Куллох писал в 1845 г., что «сэр Уильям Петти был одной из самых замечательных личностей XVII столетия». Более того, он прямо называл Петти основателем трудовой теории стоимости и проводил от него прямую линию к Рикардо.

И все-таки Уильям Петти был в полной мере открыт для науки лишь Марксом. Только Маркс, по-новому осветив всю историю политической экономии своим материалистическим и классовым анализом, показал подлинное место, которое занимает в ней гениальный англичанин. Петти — родоначальник буржуазной классической политической экономии, которая перешла к анализу внутренних закономерностей капиталистического способа производства, к поискам закона его движения.

Маркса сильно привлекала эта яркая и своеобразная личность. «Петти чувствует себя основателем новой науки...», «Его гениальная смелость...», «Оригинальным юмором проникнуты все сочинения Петти...», «Само

заблуждение Петти гениально...», «Настоящий шедевр по содержанию и по форме» — эти оценки из разных произведений Маркса дают представление о его отношении к «гениальнейшему и оригинальнейшему исследователю экономисту».

Еще Мак-Куллох отметил довольно странный факт в судьбе литературного наследия Петти. При всей важности его роли, сочинения Петти никогда не издавались полностью и существовали лишь в старых разрозненных изданиях, ставших к середине XIX в. библиографической редкостью. Мак-Куллох заканчивал свою заметку о Петти скромным пожеланием: «Благородные потомки Петти, к которым перешли как немалая доля его таланта, так и его поместья, не могли бы воздвигнуть лучший монумент его памяти, чем издание полного собрания его трудов».

Вот где собака зарыта! «Благородные потомки» Петти — графы Шелберны и маркизы Лэнсдауны — отнюдь не горели желанием выставлять на всеобщее обозрение своего предка, который был сыном небогатого ремесленника, приобрел богатство и дворянство не слишком благовидным способом и, по словам одного нового биографа, имел «громкую, но сомнительную репутацию». Этот же биограф (Эмиль Страусе) отмечает, между прочим, что и в середине XX в. в фамильном архиве Лэнсдаунов оставалось много неизвестных трудов Петти.

Эта сторона дела свыше двух столетий представлялась наследникам Петти более важной, чем научная и историческая ценность его сочинений. Только в самом конце XIX в. было издано первое, пока единственное и отнюдь не полное, собрание экономических работ Петти. Тогда же один из его потомков опубликовал первую биографию Петти. В 20-х годах нынешнего века были изданы некоторые рукописи и переписка.

Теперь стали яснее политические взгляды Петти, его общественная и научная деятельность, связи с крупнейшими учеными эпохи. Стали известны многие детали его жизни. Великие люди не нуждаются в подмалевке их портретов, в замазывании пороков и недостатков. Это в полной мере относится к Уильяму Петти. В истории человеческой культуры он останется не как крупный ирландский землевладелец и ловкий (хотя и далеко не всегда удачливый) придворный, а как смелый мыслитель, открывший новые пути в науке об обществе. Ныне, через 300 лет после выхода в свет главных сочинений Петти, его личность и идеи продолжают привлекать внимание людей. Только за послевоенные годы в СССР, Англии, США, Швейцарии, Японии опубликовано до десятка книг о нем.

Марксисты и современные буржуазные авторы подходят к Петти по-разному. Для нас он прежде всего зачинатель научного направления, которое стало одним из источников марксизма. Буржуазные экономисты, признавая Петти большим ученым и яркой личностью, нередко отказывают ему в роли предшественника Смита, Рикардо и Маркса. Место Петти в науке часто ограничивают лишь созданием основ статистико-экономического метода исследований.

Шумпетер утверждает, что у Петти нет трудовой теории стоимости (и понятия стоимости вообще), нет сколько-нибудь заметной теории заработной платы, а следовательно, не может быть и намека на понимание прибавочной стоимости. Своей репутацией он якобы обязан только «декрету Маркса, которым Петти был объявлен основателем экономической науки», а также восторгам некоторых буржуазных ученых, которые, как намекает Шумпетер,

так сказать, не предполагали, на чью мельницу они льют воду.

В целом ряде работ буржуазных ученых Петти рассматривается только как один из представителей меркантилизма, может быть, один из самых талантливых и передовых, но не более того. В крайнем случае, ему ставится в заслугу помимо открытия статистического метода трактовка частных экономических проблем и вопросов экономической политики: налогообложения, таможенных пошлин. Нельзя сказать, что эта точка зрения абсолютно господствует в современной буржуазной науке. Высказываются и иные взгляды. Роль Петти в экономической науке, его связи со Смитом, Рикардо и Марксом рассматриваются в более правильной исторической перспективе. Однако ведущей является позиция, которую занимает Шумпетер.

От юнги до помещика

Читатели, наверное, помнят, как юный Робинзон Крузо, герой романа Дефо, вопреки воле отца и мольбам матери тайком бежал из дома и ушел в море. Так начались все его приключения. Подобная история, возможно, произошла в семье суконщика Энтони Потти из городка Ромси в Хэмпшире (Южная Англия): его 14-летний сын Уильям отказался заниматься наследственным ремеслом и нанялся в Саутхэмптоне юнгой на какой-то корабль. Выдуманный писателем Робинзон и вполне реальный Уильям Петти принадлежали к одному поколению: Дефо заставил своего героя родиться в 1632 г., Петти родился в 1623 г. Они принадлежали к одному и тому же классу — мелкой городской буржуазии, хотя суровый старик Крузо был, видимо, побогаче скромного суконщика.

Уход в море был в Англии XVII и XVIII вв. обычной формой протеста многих юношей против серой будничной жизни, выражением искони присущей молодости тяги к приключениям и независимости. Жизненный прототип Робинзона — шотландец Александр Селкерк бежал из родного города от давящего произвола и нудности пуританской церкви. Все это не было протестом против буржуазного образа жизни: напротив, тяга к приключениям более или менее сознательно связывалась у этих юношей со стремлением к обогащению и к утверждению своей личности в новом буржуазном мире. Такая черта полностью характерна и для молодого Петти.

Может быть, Петти тоже стал бы капитаном или купцом и даже попал бы на необитаемый остров, если бы через год не сломал себе на корабле ногу. По суровым обычаям того времени он был просто высажен на ближайшем берегу. Это оказалось нормандское побережье на севере Франции. Его выручили прирожденная практичность, способности и удача. В своей автобиографии Петти с бухгалтерской точностью, опять-таки достойной деловитого Робинзона, сообщает, с какой (весьма незначительной) суммой денег он был свезен на берег, как он ее использовал, как увеличил свое «состояние» куплей и выгодной перепродажей разных мелочей. Пришлось купить и костыли, от которых он, впрочем, отделался довольно скоро.

Петти был своего рода вундеркиндом. Несмотря на скромное образование, которое могла ему дать городская школа в Ромси, он настолько знал латынь, что обратился к отцам иезуитам, имевшим свой коллеж в городе Кане, со стихотворным латинским «заявлением» о приеме. То ли бескорыстно изумленные способностями юноши, то ли с расчетом сделать ценное приобретение для католической церкви, иезуиты приняли его в коллеж и

взяли на свое содержание. Петти пробыл там около двух лет и в результате, по его собственным словам, «приобрел знание латыни, греческого и французского языков, всей обычной арифметики, практической геометрии и астрономии, важных для искусства навигации...». Математические способности Петти были замечательны, и он до конца жизни оставался в этой области на уровне достижений тогдашней науки.

В 1640 г. Петти в Лондоне зарабатывает на жизнь черчением морских карт. Потом он три года служит в военном флоте, где его способности к навигационному делу и картографии оказываются весьма полезными. Покидая флот в 1643 г., он имеет наличными 60 фунтов стерлингов — немалую по тем временам сумму.

Эти годы — разгар революции, ожесточенной политической и идейной борьбы, разворачивается гражданская война. В принципе 20-летний Петти — на стороне буржуазной революции и пуританской религии, но никакого желания лично ввязываться в борьбу он не имеет. Его влечет наука. Он уезжает в Голландию и Францию, где изучает в основном медицину. Такая разносторонность не только признак личной талантливости Петти: в XVII в. выделение отдельных наук только начиналось, и ученая универсальность не была редкостью.

Следуют три счастливых года странствий, бурной деятельности, напряженного поглощения знаний. В Амстердаме Петти зарабатывает на жизнь в мастерской ювелира и оптика. В Париже он служит секретарем философа Гоббса, живущего там в эмиграции. К 24 годам Петти имеет за спиной уже 10 лет самостоятельной жизни. Это вполне сложившийся человек, обладающий широкими знаниями, большой энергией, жизнерадостностью и личным обаянием. Правда, его положение в жизни до сих пор не упрочено, но он твердо идет к этому.

Вернувшись в Англию, Петти скоро становится в Оксфорде, где он продолжает изучать медицину, и в Лондоне, с которым его связывает работа ради денег, видным членом группы молодых ученых. Эти люди сначала в шутку называли себя «невидимой коллегией», потом получили прозвище «знатоков», а вскоре после Реставрации создали Королевское общество — первую академию наук нового времени. Когда в 1650 г. Петти получил от Оксфордского университета степень доктора физики и стал профессором анатомии и вице-принципалом (нечто вроде проректора) одного из колледжей, «невидимая коллегия» стала собираться в его холостой квартире, которую он снимал в доме аптекаря.

Политические взгляды этих ученых, в том числе и Петти, не были особенно радикальны. Но дух революции, которая в это время привела к провозглашению республики (май 1649 г.), наложил свою печать на всю их деятельность. В науке они боролись против старой схоластики, за внедрение экспериментальных методов. Петти впитал в себя и пронес через всю жизнь этот дух революции и демократизма, который в более поздние годы время от времени самым неподходящим образом пробивался в богатом землевладельце и дворянине, мешая его успеху при дворе.

Петти, очевидно, был хорошим врачом и анатомом. Об этом говорят его успехи в Оксфорде, наличие у молодого профессора медицинских сочинений и последующее высокое назначение. В это время с Петти произошел случай, который впервые сделал его известным сравнительно широкой публике. Он заслуживает внимания и с точки зрения истории медицины, так как речь идет,

возможно, о первом опыте «лечения» клинической смерти.

В декабре 1650 г. в Оксфорде, по варварским законами обычаям той эпохи, была повешена некая Энн Грин, бедная крестьянская девушка, соблазненная молодым сквайром и обвиненная в убийстве своего ребенка. (Впоследствии выяснилось, что она была невиновна: ребенок родился недоношенным и умер своей смертью.) После установления факта смерти она была положена в гроб. В этот момент на месте действия появился доктор Петти со своим помощником: цель их состояла в том, чтобы забрать труп для анатомических исследований. К своему изумлению, врачи обнаружили, что в повешенной теплится жизнь. Приняв срочные меры, они «воскресли» ее! Интересно дальнейшее развитие событий. Петти сделал три вещи, которые с разных сторон характеризуют его натуру. Во-первых, он проделал серию наблюдений не только над физическим, но и над психическим состоянием своей необычной пациентки и четко зафиксировал их. Во-вторых, он проявил не только врачебное искусство, но и человечность, добившись от судей прощения Энн и организовав сбор денег в ее пользу. В-третьих, он со свойственной ему деловой хваткой использовал это происшествие для громкой рекламы: через несколько дней по его инициативе в Оксфорде была выпущена сенсационная листовка (газет тогда еще не было!) под интригующим заглавием: «Новости из мира мертвых, или Правдивый и точный рассказ об избавлении от смерти Энн Грин». Он организовал подобные издания и в Лондоне.

В 1651 г. доктор Петти внезапно оставил свою кафедру и вскоре получил должность врача при главнокомандующем английской армией в Ирландии. В сентябре 1652 г. Петти впервые сошел с корабля на ирландскую землю. Что побудило его так резко изменить течение жизни? Видимо, жизнь оксфордского профессора была слишком спокойной и малоперспективной для молодого энергичного человека с изрядной долей авантюризма в характере.

Петти увидел Ирландию, только что вновь покоренную англичанами после неудачного восстания, опустошенную 10-летней войной, голодом и болезнями. Земля, принадлежавшая ирландским католикам, участникам антианглийского восстания, подлежала конфискации. Этой землей Кромвель намеревался расплатиться с лондонскими богачами, давшими деньги на войну, а также с офицерами и солдатами победоносной армии. Чтобы раздавать землю, надо было произвести замеры и составить планы земельных массивов, общая площадь которых составляла миллионы акров. И надо было сделать это быстро, так как армия волновалась и требовала расплаты. Для середины XVII в. это была задача колоссальной трудности: не было карт, не было инструментов, квалифицированных людей, транспорта. На землемеров нападали крестьяне. За эту-то задачу и взялся Петти, увидев тут редкостную возможность быстрого обогащения и выдвижения. Ему очень пригодились приобретенные в свое время знания по картографии и геодезии. Но понадобилось и другое: энергия, напористость, ловкость. Петти взял у правительства и армейского командования подряд на «обзор земель армии». Платили ему в основном деньгами, собранными с солдат, которые должны были получить землю. Петти заказал в Лондоне новые инструменты, набрал целую армию землемеров в тысячу человек, составил карты Ирландии, которые употреблялись в судах при разрешении земельных споров вплоть до середины XIX в. И это было сделано немногим более чем за один год. Поистине, все удавалось этому человеку, все ладилось у него!

«Обзор земель армии» оказался для Петти, которому было в это время немного за тридцать, настоящим золотым дном. Приехав в Ирландию скромным медиком, он через несколько лет превратился в одного из самых богатых и влиятельных людей в стране.

Что было законно, а что незаконно в этом головокружительном обогащении? Это вызывало при жизни Петти бурные споры и в известной мере зависит от точки зрения. Само ограбление Ирландии было незаконным. Петти действовал на этой основе, но сам всегда оставался в рамках формальной законности: не грабил, а получал от существующей власти; не воровал, а покупал; сгонял людей с земли не силой оружия, а по решению суда. Едва ли дело обходилось без взяток и подкупов, но ведь это считалось в порядке вещей...

Огромная энергия Петти, его страсть к самоутверждению, авантюризм — все это на некоторое время нашло свое выражение в мании обогащения. Он вкладывал в земельные спекуляции такую же страсть, как в оживление и лечение Энн Грин. Разумеется, здесь это говорится не для оправдания морального облика Петти. Такая цель была бы нелепа. Но разобраться в этой сложной личности интересно с научной и человеческой точки зрения.

Получив, по его собственным данным, 9 тыс. фунтов стерлингов чистой прибыли от выполнения подряда, он использовал эти деньги для скупки земли у офицеров и солдат, которые не могли или не хотели дожидаться своих наделов и занимать их. Кроме того, землей он получил часть причитавшегося ему вознаграждения от правительства. Точно неизвестно, какие еще способы применял ловкий доктор для увеличения своей собственности, но успех превзошел все ожидания. В итоге он оказался собственником нескольких десятков тысяч акров земли в разных концах острова. Позже его владения еще более расширились. Одновременно он стал ближайшим помощником и секретарем лорда-наместника Ирландии Генри Кромвеля, младшего сына

протектора.

Сэр Уильям

Два или три года Петти преуспевает, несмотря на интриги врагов и завистников. Но в 1658 г. Оливер Кромвель умирает, положение его сына Генри Кромвеля становится все более шатким. Против своей воли лорд-наместник вынужден создать специальную комиссию для расследования действий доктора. Правда, в комиссию входят многие друзья Петти. К тому же борьбу за свое богатство и доброе имя он ведет с не меньшей энергией, блеском и искусством, чем борьбу за свои идеи. Ему удается оправдаться не только перед комиссией, но и перед парламентом в Лондоне (членом которого он был незадолго до этого избран). Из борьбы он выходит если не с триумфом, то во всяком случае без потерь. В политической сумятице последних месяцев перед Реставрацией 1660 г. дело Петти оказывается в тени, что его вполне устраивает.

Незадолго до Реставрации Генри Кромвель и его наперсник сумели оказать важные услуги видным роялистам, оказавшимся у власти после возвращения Карла II из изгнания. Сыну протектора это позволило с достоинством удалиться в частную жизнь, а Петти открыло доступ ко двору. В 1661 г. сын суконщика был возведен в рыцарское звание и стал именоваться сэр Уильям Петти. Это вершина его успеха в жизни. Он понравился королю Карлу, он посрамил врагов, он богат, независим и влиятелен...

С титулами Петти необходимо разобраться, поскольку у нас об этом пишут по-разному и часто неверно. В Большой Советской Энциклопедии (2-е издание) сообщается, что Петти «получил звание пэра Англии». Вероятно, источником этих неточных сведений является книга Розенберга, которая до конца 50-х годов была у нас почти единственным серьезным марксистским трудом по истории политической экономии. Из Энциклопедии или из Розенберга эти сведения перешли в ряд книг (см., например, «Историю экономических учений» В. Н. Замятниной).

Пэр Англии — лицо, имеющее право заседать в английской палате лордов. По данным английского статистика времен Петти и одного из первых его последователей — Грегори Кинга, в 1688 г. насчитывалось всего лишь 186 семейств английских пэров. Имелось в то время и имеется до сих пор пять рангов пэрства: по нисходящей это герцоги, маркизы, графы, виконты и бароны. Петти не имел ни одного из этих титулов и не был членом палаты лордов.

Он принадлежал ко второй категории титулованного дворянства, которая, в свою очередь, включает два ранга (баронеты и рыцари) и дает право именоваться сэром. Таких семейств Кинг насчитывал 1400. Следовательно, в многоступенчатой иерархии дворянства Петти имел самый низший титул.

Достоверно известно из документов и из переписки Петти, что королевская власть дважды предлагала ему пэрство. Однако он не без основания расценивал эти предложения как желание отделаться от просьб, которыми он действительно докучал королю и двору: дать ему реальный государственный пост, на котором он мог бы осуществить свои смелые экономические проекты. Очень характерно для личности и стиля Петти объяснение причин его отказа от королевской милости в одном из писем: «Я

скорее согласен быть медным фартигом, но имеющим свою внутреннюю ценность, чем латунной полукроной, как бы красиво она ни была отчеканена и позолочена». При всем его честолюбии и корыстолюбии этот человек был иной раз принципиален до упрямства!

Лишь смерть сэра Уильяма Петти сняла препятствия. Через год его старший сын, Чарлз, был сделан бароном Шелберном. Однако это было ирландское баронство, не дававшее право заседать в палате лордов в Лондоне. Только правнук Петти занял это место и вошел в историю Англии как крупный политический деятель и лидер партии вигов под именем маркиза Лэнсдауна.

Между прочим, в Англии XX в. крупнейших экономистов, оказавших важные услуги правящим классам, стали делать пэрами за их научные труды. Первым таким «аристократом от политической экономии» стал Кейнс. Колумб. Как известно, Колумб не собирался политической открывать Америку, а только искал экономии морской путь в Индию. До конца жизни он не знал, что открыл новый континент.

Петти публиковал памфлеты, преследующие конкретные, порой даже корыстные цели, как все экономисты того времени. Самое большое, что он приписывал себе,— это изобретение политической арифметики (статистики). В этом видели его главную заслугу и современники. В действительности он сделал также нечто иное: своими высказанными как бы между прочим мыслями о стоимости, ренте, заработной плате, разделении труда и деньгах он заложил основы научной политической экономии. Это и есть подлинная «экономическая Америка», открытая новым Колумбом.

Первое серьезное экономическое сочинение Петти именовалось «Трактат о налогах и сборах» и вышло в 1662 г. Пожалуй, это и важнейшее его сочинение: стремясь показать новому правительству, каким путем можно (несомненно, при его личном участии и даже под его руководством) увеличить налоговые доходы, он также изложил наиболее полно свои экономические взгляды.

К этому времени Петти почти забыл, что он врач. Математикой, механикой, судостроением он занимается лишь в редкие часы досуга или общения с иными из старых ученых-друзей. Зато теперь его изобретательный и гибкий ум все более обращается к экономике и политике. В его мозгу роятся проекты, планы, предложения: налоговая реформа, организация статистической службы, улучшение торговли... Все это находит свое выражение в его «Трактате». Но не только это. Может быть, «Трактат» Петти — самое важное экономическое сочинение XVII столетия, как книга Адама Смита о богатстве народов оказалась таким сочинением XVIII столетия.

Через 200 лет Карл Маркс писал о «Трактате»: «В рассматриваемом нами произведении Петти по сути дела определяет *стоимость товаров* сравнительным *количеством* содержащегося в них *труда*». В свою очередь, «от *определения стоимости зависит* и определение прибавочной стоимости». О Петти написано много. Но в этих словах Маркса в самой сжатой форме выражена суть научного достижения английского мыслителя.

Интересно проследить за ходом его рассуждений.

С острым чутьем человека новой, буржуазной эпохи он сразу, в сущности, ставит вопрос о прибавочной стоимости: «...мы должны попытаться объяснить таинственную природу как денежной ренты, называемой процентом (*usury*), так и ренты с земель и домов». В XVII в. земля

еще основной объект приложения человеческого труда. Поэтому для Петти прибавочная стоимость выступает исключительно в форме земельной ренты, в которой скрывается и промышленная прибыль. Процент он далее также выводит из ренты. Торговая прибыль мало интересует Петти, что резко отличает его от толпы современников-меркантилистов. Примечательно и выражение о таинственной природе ренты. Петти чувствует, что он стоит перед большой научной проблемой, что внешность явления здесь отличается от сущности.

Далее идет знаменитое, неизменно цитируемое место. Предположим, что некто (этот некто будет далее не только героем арифметических задачников, но и экономических трактатов!) занимается производством зерна. Часть произведенного им продукта вновь пойдет на семена, часть будет потрачена на удовлетворение собственных потребностей (в том числе путем обмена), а «остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту». Здесь намечено деление продукта, а следовательно, создающего его труда и стоимости на три основные части: 1) часть, представляющую возмещение затраченных средств производства, в данном случае семян; 2) часть, необходимую для поддержания жизни работника и его семьи, и 3) избыток, или чистый доход. Эта последняя часть соответствует введенным Марксом понятиям прибавочного продукта и прибавочной стоимости.

Далее Петти ставит вопрос: «...какому количеству английских денег может равняться по своей стоимости этот хлеб или эта рента? Я отвечаю: такому количеству денег, которое в течение одинакового времени приобретает за вычетом своих издержек производства кто-нибудь другой, если он всецело отдается производству денег, т. е. предположим, что кто-нибудь другой отправляется в страну серебра, добывая там этот металл, очищает его, доставляет его на место производства хлеба первым, чеканит тут из этого серебра монету и т. д. Предположим далее, что этот индивидуум в течение того времени, которое он посвящает добыванию серебра, приобретает также средства, нужные для своего пропитания, одежды и т. д. Тогда серебро одного должно быть равно по своей стоимости хлебу другого; если первого имеется, например, 20 унций, а последнего 20 бушелей, то унция серебра будет представлять собой цену бушеля хлеба».

В последнее время в экономику прочно вошло понятие модели, распространяется метод экономического моделирования. Модель — это мыслимая картина экономических связей, содержащая некие исходные условия и предположения. Может быть, описанная Петти ситуация — одна из первых экономических моделей в истории науки.

Очевидно, что приравнивание по стоимости частей зерна и серебра, представляющих собой прибавочный продукт, равносильно приравниванию всего валового продукта. Ведь эти последние 20 бушелей зерна ничем не отличаются от остальных, скажем, 30 бушелей, которые возмещают семена и составляют пропитание земледельца. Это же относится и к 20 унциям серебра, о которых выше идет речь. В другом месте Петти выражает идею трудовой стоимости в чистом виде: «Если кто-нибудь может добыть из перуанской почвы и доставить в Лондон одну унцию серебра в то же самое время, в течение которого он в состоянии произвести один бушель хлеба, то первая представляет собою естественную цену другого...».

Итак, Петти, по существу, формулирует *закон стоимости*. Он понимает, что этот закон действует крайне сложным образом, лишь как общая тенденция. Это выражается в следующих поистине удивительных фразах: «Я утверждаю, что именно в этом состоит основа сравнения и сопоставления стоимостей. Но я признаю, что развивающаяся на этой основе надстройка (superstructure) очень разнообразна и сложна».

Между меновой стоимостью, величина которой определяется затратами труда, и реальной рыночной ценой — множество посредствующих звеньев, которые безмерно усложняют процесс ценообразования. С этим, кстати сказать, постоянно сталкиваемся и мы, стремясь использовать закон

стоимости для конкретных целей ценообразования. Более того, с необычайной прозорливостью Петти называет некоторые ценообразующие факторы, с которыми приходится считаться современным экономистам и плановикам: влияние товаров-заменителей, товаров-новинок, мод, подражания, традиций потребления.

Петти делает первые шаги на пути анализа самого труда, создающего стоимость. Ведь каждый конкретный вид труда создает только конкретное благо, потребительную стоимость: труд земледельца — зерно, труд ткача — полотно и т. д. Но как уже говорилось, в любом виде труда есть что-то общее, делающее все виды труда сравнимыми, а эти блага — товарами, меновыми стоимостями: затрата рабочего времени, как такового, затрата производительной энергии работника вообще.

Петти был в истории экономической науки первым, кто стал прокладывать путь к идее абстрактного труда, которая легла в основу марксовой теории стоимости.

Было бы странно искать у зачинателя и первооткрывателя какую-то стройную и законченную экономическую теорию. Опутанный меркантилистскими представлениями, он еще не может отделаться от иллюзии, что труд в добыче драгоценных металлов — это все же какой-то особенный труд, наиболее непосредственно создающий стоимость. Петти не может отделить меновую стоимость, которая наиболее наглядно воплощается в этих металлах, от самой субстанции стоимости — затрат всеобщего человеческого абстрактного труда. У него нет сколько-нибудь ясного понятия о том, что величина стоимости определяется затратами общественно необходимого труда, типичными и средними для данного уровня развития хозяйства. Затраты труда, превышающие общественно необходимые, пропадают даром, не создают стоимость. Многие с точки зрения последующего развития науки можно признать у Петти слабым и прямо ошибочным. Но разве это главное? Главное в том, что Петти твердо стоит на избранной им позиции — трудовой теории стоимости — и успешно применяет ее ко многим конкретным проблемам.

Мы уже видели, как он понимал природу прибавочного продукта. Но там речь шла о простом товаропроизводителе, который сам присваивает произведенный им же прибавочный продукт. Петти не мог не видеть, что в его время значительная часть производства велась уже на капиталистических началах, с применением наемного труда.

Он должен был прийти к мысли, что прибавочный продукт производится не только и не столько для себя, сколько для владельцев земли и капитала. О том, что он пришел к этой мысли, свидетельствуют его соображения о заработной плате. Заработная плата работника определяется и должна определяться, по его мнению, только необходимым минимумом средств существования. Он должен получать не более, чем необходимо, «чтобы жить, трудиться и размножаться». Петти понимает в то же время, что стоимость, создаваемая трудом этого работника, — это совершенно иная величина, и, как правило, значительно большая. Эта разница и является источником прибавочной стоимости, которая у него выступает в виде ренты.

Хотя и в неразвитой форме, Петти выразил основное научное положение классической политической экономии: в цене товара, определяемой в конечном счете затратами труда, заработная плата и прибавочная стоимость (рента, прибыль, процент) находятся в обратной зависимости. Повышение

заработной платы при одном и том же уровне производства может происходить лишь за счет прибавочной стоимости, и наоборот. Отсюда один шаг до признания принципиальной противоположности классовых интересов рабочих, с одной стороны, и землевладельцев и капиталистов — с другой. Таков последний вывод, который сделает классическая политическая экономия в лице Рикардо. Петти ближе всего подходит к такому взгляду, пожалуй, не в «Трактате», а в написанной в 70-х годах знаменитой «Политической арифметике», хотя и там мысль эта имеется лишь в зародыше.

Но в целом увлечение политической арифметикой как-то помешало Петти углубить свою экономическую теорию, понимание коренных закономерностей капиталистической экономики. Многие гениальные догадки «Трактата» остались неразвитыми. Цифры теперь увлекали его, они казались ключом ко всему. Еще в «Трактате» есть характерная фраза: «Первое, что необходимо сделать,— это подсчитать...» Она становится девизом Петти, каким-то заклинанием: надо подсчитать, и все станет ясно. Создатели статистики страдали несколько наивной верой в ее силу.

Конечно, содержание главных экономических сочинений Петти не исчерпывается сказанным. Оно гораздо богаче. Сумма его идей — это мировоззрение прогрессивной буржуазии. Петти впервые исследует само капиталистическое производство и расценивает экономические явления с точки зрения производства. В этом его решительное преимущество перед меркантилистами. Отсюда его критическое отношение к непроизводительным слоям населения, из которых он особо выделяет священников, адвокатов, чиновников. Он полагает, что можно было бы значительно уменьшить число купцов и лавочников, которые тоже «не доставляют никакого продукта». Эта традиция критического отношения к непроизводительным группам населения войдет в плоть и кровь классической политической экономии.

Стиль — это человек, как гласит старое французское изречение. Литературный стиль Петти необычайно свеж и оригинален, даже симпатичен. И не потому, что он владел какими-то литературными красотами и тонкостями. Наоборот, Петти лаконичен, прям и строг. Смелые мысли он выражает в смелой, безоговорочной форме. Он всегда говорит только главное и простыми словами. Самая объемистая его работа не занимает в русском переводе и 80 книжных страниц.

Устав Королевского общества, одним из членов-учредителей которого был Петти, требовал, чтобы «во всех отчетах об опытах... излагалась только суть дела, без всяких предисловий, оправданий или риторических украшений». Это великолепное правило Петти считал применимым не только к естественным, но и к общественным наукам и стремился следовать ему. Многие его работы и напоминают «отчеты об опытах». Правило это не мешало бы, впрочем, знать и руководствоваться им также современным экономистам и представителям других общественных наук.

Простота не мешает видеть за строчками сочинений Петти его яркую личность, неумный темперамент, политическую страстность. Этот богатый помещик, с его огромным напудренным париком и в роскошном шелковом кафтане (таков сэр Уильям на одном из поздних портретов), во многом оставался грубоватым простолюдином и слегка склонным к цинизму медиком. При всем своем богатстве и титулах, Петти всегда неустанно работал — не только умственно, но даже физически. Его страстью было кораблестроение, и он без конца проектировал и строил необычные суда. В

чертах его личности отчасти заключается объяснение его антипатий: он нутром ненавидел бездельников и паразитов. К самой королевской власти Петти относился строго. Заискивая перед двором, он в то же время писал вещи, которые никак не могли понравиться королю и правительству: короли склонны к агрессивным войнам, и самый лучший способ удержать их от этого — не давать им денег для ведения войн.

Политическая арифметика

Английскому королю Карлу II больше всего в жизни хотелось превзойти в чем-то его августейшего родственника — французского короля Людовика XIV. Он устраивал балы и фейерверки с оглядкой на Версаль. Но денег у него было гораздо меньше, чем у французского властелина. Он дал герцогский титул нескольким своим внебрачным сыновьям. Но Людовик делал своих бастардов маршалами Франции, а подобное было недоступно Стюарту: его абсолютная монархия не была такой уж абсолютной.

Оставалась наука. Вскоре после Реставрации по его воле и под покровительством всей королевской семьи было создано Королевское общество (английская академия наук), которым Карл мог гордиться с полным основанием. Такого у Людовика не было! Король сам делал химические опыты и занимался морским делом. Это было в духе времени. Это было одной из забав «веселого монарха», как, впрочем, и все Королевское общество.

Самым интересным и остроумным человеком в нем был сэр Уильям Петти. В узком кругу король и высшие аристократы были вольнодумны, а лучше Петти никто не умел поиздеваться над святошами всех вероисповеданий. Однажды лорд-наместник Ирландии герцог Ормонд в веселой и, вероятно, не совсем трезвой компании попросил сэра Уильяма показать свое искусство. Забравшись на два поставленных рядом стула, Петти стал под общий хохот пародировать проповедников разных церквей и сект. Увлечшись, он начал, якобы устами священников, резко ругать, как пишет очевидец, «некоторых государей и губернаторов» за плохое управление, лицеприятие и корысть. Хохоот стих. Герцог не знал, как утихомирить вызванного им самим духа.

И король и ирландские наместники любили слушать Петти лишь до тех пор, пока он не начинал говорить о политике и торговле. А он не мог не говорить об этом! Для него все другие разговоры были лишь поводом, чтобы изложить очередной экономический проект. Один его проект был смелее и радикальнее другого. Это казалось опасным, докучным, лишним. Другой ирландский наместник, лорд Эссекс, говорил, что сэр Уильям — «самый раздражающий человек в трех королевствах» (т. е. в Англии, Шотландии и Ирландии). Герцог Ормонд в глаза сказал ему однажды, что некоторые считают его «фокусником, человеком, набитым бредовыми и вздорными идеями, а также фанатиком».

Ему было нелегко жить! Природный оптимизм иногда сменялся желчной меланхолией, иногда бессильной яростью.

Почему проекты Петти почти всегда оказывались не ко двору? Некоторые из них были, при всей их гениальной смелости, просто утопичны. Но многие из них были вполне разумны с точки зрения своей эпохи. Суть, однако, заключалась в том, что все они были сознательно и смело направлены на развитие капиталистического хозяйства в Англии и Ирландии, на более решительную ломку феодальных отношений. А монархия Карла II и его брата Иакова II, наоборот, цеплялась за эти пережитки, в крайнем случае шла под давлением буржуазии на половинчатые меры. Потому-то она и пала через год после смерти Петти.

Петти всегда смотрел на богатство и процветание Англии через призму сравнения с соседними странами. Своего рода эталоном для него была Голландия. И он многократно возвращался в своих сочинениях к сложной

проблеме: в чем причины ее успешного развития? Но с годами он все более убеждался, что позициям Англии непосредственно угрожает уже не Голландия, а более крупная и агрессивная держава — Франция. Его экономические идеи приобретают все более явный антифранцузский политический характер.

К 1676 г. Петти заканчивает работу над своим вторым главным экономическим сочинением — «Политической арифметикой», но опубликовать его не решается. Союз с Францией — основа внешней политики Карла II. Английский король получает тайную денежную субсидию от Людовика XIV: парламент прижимист, налоги не достаются королю, вот и приходится изворачиваться. Сэр Уильям не трус, но рисковать милостью двора у него нет охоты.

«Политическая арифметика» распространяется в списках. В 1683 г. кто-то публикует сочинение Петти анонимно, без его ведома и под другим заглавием. Только после «славной революции» 1688—1689 гг. и связанного с ней резкого изменения политики Англии сын Петти (лорд Шелберн) издает «Политическую арифметику» полностью и под именем автора. В предисловии он пишет, что издание книги его покойного отца было ранее невозможно, так как «доктрины этого сочинения задевали Францию».

Как противник Франции, Петти, конечно, достойный и дальновидный представитель английской буржуазии. Все последующее столетие, вплоть до начала XIX в., Англия будет упорно бороться с Францией и в этой борьбе укрепитя как первая промышленная держава мира. Но в «Политической арифметике» важнее всего методы, которыми Петти доказывает свои положения. Это первая в истории экономической науки работа, основанная на статистико-экономическом методе исследования.

Можно ли представить себе современное государство без статистики? Очевидно, нельзя. Можно ли представить себе современное экономическое исследование без статистики? Можно, но трудно. Если автор даже оперирует «чистой теорией», в литературной или математической форме, и не приводит никаких статистических данных, он все равно неизбежно исходит из того, что они в принципе существуют и более или менее известны читателю.

Не так обстояло дело в XVII в. Статистики просто не было (как не было, разумеется, и этого слова: оно появилось лишь в конце XVIII в.). Было очень мало известно о численности, размещении, возрастном и профессиональном составе населения. Еще меньше было известно об основных экономических показателях: производстве и потреблении основных товаров, доходах населения, распределении богатства. Только о налогах и внешней торговле были кое-какие данные.

Большой заслугой Петти было уже то, что он первым поставил вопрос о необходимости создания государственной статистической службы и наметил некоторые основные линии сбора данных. Многократно возвращаясь в своих сочинениях к созданию статистической службы, он неизменно, как бы между прочим, отводил себе место ее руководителя. Этот придуманный им пост он называл по-разному, более или менее пышно, в зависимости от настроения и оценки своих шансов. К тому же он надеялся не только учитывать, но в какой-то мере и «планировать». Например, он делал удивительные для своего времени расчеты «баланса рабочей силы»: сколько надо в стране врачей и адвокатов (других специалистов с высшим образованием в XVII в., по существу, не было) и сколько студентов надо, следовательно, принимать

каждый год в университеты.

Петти не только неустанно проповедовал необходимость статистики, но и блестяще использовал для доказательства своих экономических положений те немногие и не очень надежные статистические данные, какими он располагал. Петти ставил перед собой конкретную задачу — доказать на основе объективных цифровых данных, что Англия не беднее и не слабее Франции. Отсюда вытекала более широкая задача — дать в количественной форме оценку экономического состояния Англии его времени.

В предисловии к своей работе он пишет о методе политической арифметики: «Способ, каким я взялся сделать это, однако, не обычный, ибо, вместо того чтобы употреблять слова только в сравнительной и превосходной степени и прибегать к умозрительным аргументам, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер (я уже давно стремился пойти по этому пути, чтобы показать пример политической арифметики), употребляя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе. Те же, которые зависят от непостоянства умов, мнений, желаний и страстей отдельных людей, я оставляю другим».

Один из виднейших последователей Петти — Чарлз Давенант давал такое простое определение: «Под политической арифметикой мы подразумеваем искусство рассуждать о делах, относящихся к управлению государством, посредством цифр...» Далее он отмечает, что само это искусство является весьма древним. Но Петти «впервые дал ему имя и ввел его в рамки правил и методов».

Политическая арифметика Петти была прообразом статистики, а его метод предвосхищал целый ряд важных направлений в экономической науке. Он прозорливо писал о важности исчисления национального дохода и национального богатства страны — показателей, которые играют в современной статистике и экономике огромную роль. Он впервые произвел подсчеты национального богатства Англии. Демократизм и незаурядная смелость Петти видны, когда он пишет, что «необходимо весьма тщательно различать между богатством страны и богатством абсолютного монарха, который берет у народа там, тогда и в такой пропорции, в какой это ему заблагорассудится». Он имел при этом в виду Людовика XIV, но и Карл II мог бы увидеть в этой фразе строгое предостережение.

Исчисление национального богатства у Петти может в одной части показаться странным с точки зрения обычных принципов современной статистики: он считал важнейшей составной частью этого богатства само население страны и давал ему определенную денежную оценку. Стоимость населения Англии его эпохи он оценивал в 417 млн. фунтов стерлингов, а все вещественное богатство — в 250 млн. Но это не только парадоксальная идея. Речь идет о своеобразной теории, которая была оригинальной и прогрессивной для своего времени. Петти в принципе считал, что трудящееся население — главное богатство страны, и был в этом совершенно прав.

Маркс записывает, изучая Петти: «У нашего приятеля Петти «теория народонаселения» совершенно другая, чем у Мальтуса... Население — *богатство...*»). Оптимистическая и прогрессивная точка зрения на рост народонаселения характерна для ранних представителей классической политической экономии. Мальтус в начале XIX в. заложил основы одного из апологетических направлений в буржуазной политической экономии, заявив,

что главная причина бедноты трудовых классов является естественной и состоит в слишком быстром размножении (подробнее об этом см. гл. 13).

Уильяму Петти принадлежат также первые подсчеты национального дохода Англии. Тем самым он заложил основы статистических методов оценки и анализа экономики страны как единого целого, объединяющего массу экономических единиц. Из этих начинаний выросла современная система национальных счетов, позволяющая в наиболее удобной и обобщенной форме судить с известной степенью точности о том, каков объем производства в данной стране, как произведенная продукция распределяется на потребление, накопление и экспорт, каковы доходы основных классов и групп в обществе и т. д.

Правда, подсчеты самого Петти страдали существенными недостатками. Он исчислял национальный доход как сумму потребительских расходов населения, иначе говоря, считал, что накапливаемой долей дохода, идущей на капиталовложения в здания, оборудование, улучшение земли и т. д., можно пренебречь. Однако это допущение для XVII в. было достаточно реалистичным, поскольку норма накопления была весьма низка и материальное богатство страны возрастало медленно. Кроме того, неточность Петти была вскоре исправлена его последователями в политической арифметике, особенно Кингом, который осуществил в конце столетия поразительные по своей полноте и основательности расчеты национального дохода Англии. Эта работа была бы невозможна, если бы Петти ранее не заложил основы статистико-экономического метода и не дал образцы его применения.

Петти всю жизнь интересовался статистикой населения и проблемами его роста, размещения, занятости и т. д. Его сочинения, написанные в последние годы жизни, в основном посвящены этим вопросам. Вместе со своим другом Джоном Граунтом он делит честь быть основателем демографической статистики. Из скромных трудов этих пионеров вырос весь мощный современный инструментарий демографической статистики с регулярными переписями населения, тонкими выборочными обследованиями и электронно-счетной техникой.

Эпоха и человек

Меркантилисты не видели в экономических процессах объективной закономерности. Они полагали, что государство может по своей воле управлять экономическими процессами. Им было свойственно то, что мы теперь называем волюнтаризмом в экономике.

Петти одним из первых выразил идею о наличии в экономике объективных, познаваемых закономерностей, которые он сравнивал с законами природы и потому называл естественными законами. Это был большой шаг вперед в развитии политической экономии: она получала научную базу.

Сама идея экономического закона могла возникнуть лишь тогда, когда основные экономические процессы — производство, распределение, обмен и обращение — приняли регулярный, массовый вид, когда отношения людей приобрели преимущественно товарно-денежный характер. Купля и продажа товаров, наем рабочей силы, аренда земли, денежное обращение, — лишь при более или менее полном развитии таких отношений люди могли подойти к мысли, что во всем этом есть какой-то стихийный порядок.

Меркантилисты занимались по преимуществу одной сферой экономической деятельности — внешней торговлей. Но элементы не подлежащего оценке риска, спекуляции, неэквивалентного обмена, внеэкономического обогащения (или, наоборот, потерь) вследствие грабежа или пиратства были слишком велики в этой сфере, чтобы из ее описания и зачаточного анализа можно было вывести надежные закономерности.

Напротив, Петти менее всего занимается внешней торговлей. Его интересуют повторяющиеся, закономерные процессы. Он ставит вопрос о законах, которые естественным образом определяют заработную плату, ренту и даже, скажем, налоговое обложение.

К концу XVII в. Англия уже становится самой развитой буржуазной

страной. Это была в основном мануфактурная стадия капиталистического производства, когда его рост достигается еще не столько путем внедрения машин и новых методов, сколько путем расширения капиталистического разделения труда на базе старой техники: рабочий, который специализируется на какой-либо одной операции, достигает в ней большого искусства, в результате чего повышается производительность труда. Прославление разделения труда начинается в политической экономии с отдельных замечаний Петти, показывающего его эффективность на примере изготовления часов, и завершается Адамом Смитом, который кладет его в основу своей системы.

Во времена Петти и в промышленности и в сельском хозяйстве (что особенно отличало Англию) производство уже в значительной мере велось на капиталистических началах. Подчинение ремесла и мелкого земледелия капиталу проходило медленно и по-разному в отдельных отраслях и местностях. Еще существовали огромные массивы докапиталистических форм производства. Но тенденция развития выявилась, и Петти одним из первых отметил это.

Наряду с шерстяной промышленностью, которая оставалась основой английской экономики и торговли, росли такие отрасли, как добыча каменного угля и выплавка чугуна и стали. В 80-х годах XVII в. в среднем за год добывалось уже около 3 млн. тонн угля против 200 тыс. тонн в середине XVI в. (Но уголь еще использовался почти целиком как топливо: процесс коксования не был открыт, металл плавил на древесном угле, истребляя леса.) Эти отрасли с самого начала развивались как капиталистические.

Менялась и деревня. Класс мелких земельных собственников, которые вели натуральное и мелкотоварное хозяйство, постепенно исчезал. Как их участки, так и общинные земли все более сосредоточивались в руках крупных лендлордов, сдававших землю в аренду фермерам. Наиболее состоятельные из этих фермеров уже вели капиталистическое хозяйство, используя наемную рабочую силу.

Напомним, что сам Петти был крупным землевладельцем. Однако в своих сочинениях он, за редкими исключениями, вовсе не выражал интересы земельной аристократии.

Ленин сказал о Льве Толстом, что до этого графа настоящего мужика в литературе-то и не было. Перефразируя, можно сказать, что в политической экономии не было настоящего буржуа до этого лендлорда. Петти, ясно понимал, что рост «богатства нации» возможен лишь путем развития капитализма. В какой-то мере он осуществлял эти идеи в своих поместьях. Сдавая землю в аренду, он добивался, чтобы фермеры улучшали землю и способы ее обработки. На своей земле он организовал колонию английских переселенцев-ремесленников.

Петти как человек — само кричащее противоречие. Большой мыслитель выступает перед беспристрастным биографом то как легкомысленный авантюрист, то как ненасытный корыстолюбец и упрямый сутяга, то как ловкий царедворец, то как несколько наивный хвостун. Неумная жажда жизни была, пожалуй, его самой характерной чертой. А формы она принимала такие, какие диктовали общественные условия. В известном смысле богатство и почести представляли для него не самоцель, а какой-то спортивный интерес. Он, видимо, испытывал внутреннее удовлетворение, проявляя таким закономерным для своей эпохи и условий образом энергию, ловкость, практическую сметку. На его образ жизни и мыслей мало повлияли

богатство и титул.

Джон Эвелин, лондонский знакомый Петти, описывает в своем дневнике за 1675 г. роскошный ужин в доме Петти на Пикадилли и рассказывает: «Когда я, бывая в его великолепном дворце, вспоминаю, что знал его в неважных обстоятельствах, он сам удивляется, как с ним все это случилось. Он не очень-то ценит и любит шикарную мебель и все эти теперешние безделушки, но его элегантная леди не может выносить ничего посредственного и такого, что не было бы замечательным по качеству. Сам же он относится ко всему этому весьма безразлично и по-философски. «А что здесь делать? — случается ему говорить. — Я с таким же удовольствием могу поваляться и на соломе». И действительно, он довольно небрежен в отношении своей собственной особы».

Всю жизнь у него были враги — явные и тайные. Среди них были завистники, политические противники и люди, ненавидевшие его за едкие, безжалостные насмешки, на которые он был мастер. Одни пускали против него в ход физическую силу, другие плели интриги. Однажды на улице в Дублине он подвергся нападению некоего полковника в сопровождении двух «помощников». Сэр Уильям обратил их в бегство, хотя сам едва не лишился левого глаза от удара острием трости полковника. Удар пришелся в чувствительное место, — Петти с детства страдал плохим зрением, и с ним на этой почве случались забавные, а порой и неприятные происшествия, над которыми он сам смеялся. Будучи однажды вызван на дуэль, Петти сказал присланному противником секунданту, что он хочет использовать свое право выбора оружия и требует, чтобы поединок проходил в темноте на плотницких топорах: он, мол, «сильно подслеповат», и только таким образом можно уравнивать шансы. Дуэль не состоялась.

Больше огорчений доставляли враги, строившие ему козни при дворе, у ирландских наместников, в судах. В письмах Петти к друзьям в последние 20 лет жизни много горьких жалоб и желчного разочарования. Иногда он становится мелочен, бранится и жалуется по пустякам. Но природный оптимизм и юмор преодолевают все. Он снова строит планы, снова представляет доклады и... снова терпит неудачи.

Жизнь его с 1660 г. проходит то в Ирландии, то в Лондоне. На острове его держат поместья, дела, тяжбы. В Лондон тянут друзья, паука, двор. Лишь в 1685 г. он окончательно переселяется в Лондон с семьей и со всем движимым имуществом, в котором главное — 53 ящика бумаг. В том же году умирает Карл II и на престол вступает Иаков II. Новый король как будто расположен к Петти и благосклонно принимает его проекты, над которыми старик работает с новым приливом сил. Но и это скоро оказывается иллюзией.

Летом 1687 г. у Петти стала сильно болеть нога. Дело кончилось гангреной, от которой он и умер в декабре того же года. Похоронили его в родном городе Ромси.

Замечательны последние письма Петти к его ближайшему другу Саутвеллу. Они писались за два-три месяца до смерти. Это его символ веры, уже не омраченный корыстолюбием, мелкими делами, личными интересами. Он отвечает Саутвеллу, мягко упрекающему его в том, что, вместо устройства дел семейства, он занимается далекими от жизни вещами (полуслепой и мучимый недугом Петти слушал чтение только что вышедшей знаменитой книги Ньютона «Математические начала натуральной философии»).

Но и здесь сэр Уильям остается самим собой. Он, мол, дал бы 200

фунтов, чтобы Чарлз (его старший сын) мог понять книгу. О своих детях, которых он любил и воспитанием которых много занимался, Петти пишет: «Не стану я потеть над тем, чтобы увеличить приданое дочери, и не стану обхаживать трутней. Я хочу, чтобы мой сын удовлетворился приданым той жены, которую он полюбит». И далее о смысле своей жизни: «Ты спрашиваешь меня, для чего я упрямо продолжаю заниматься этими бесплодными трудами. Я отвечаю, что эти труды радостны и что величайшим и_блаженнейшим является труд мышления».

Сэр Уильям Петти имел у современников тройкую репутацию: во-первых, блестящего ученого, писателя, эрудита; во-вторых, неукротимого прожектера и фантазера; в-третьих, ловкого махинатора, человека жадного и не слишком разборчивого в средствах. Эта третья репутация преследовала Петти, начиная с его «подвигов» при дележе ирландских земель и до самой смерти. И она имела под собой основания.

Посмотрим на вторую половину жизни Петти как на биографию собственника и дельца. Перелом в его жизни наступает в 1656 — 1657 гг., когда он из интеллигента-разночинца превращается сначала в спекулянта и авантюриста, а затем в богатого помещика. Эта перемена неприятно поразила его лондонских и оксфордских ученых друзей. Петти волнуется и страдает от этого, он пишет Бойлю, мнением которого особенно дорожит, заклиная его не делать поспешных выводов, дать ему возможность лично объяснить ход событий. Время отчасти стирает возникшее отчуждение, но следы его остаются.

Сразу после Реставрации Петти приходится вступить в жестокую борьбу за свои поместья: на них претендуют бывшие владельцы, из которых иные пользуются поддержкой нового правительства. Он бросается в эту борьбу со всей энергией и страстью, вкладывает в нее огромные душевные силы и время. Ему удастся в основном сохранить свои разбросанные по всему острову земли, он торжествует. Но бесконечные земельные тяжбы преследуют его. Имея многие десятки тысяч акров земли, он зубами цепляется за каждый клочок, ссорится, судится, жалуется. По его собственным словам, он одно время имел на руках сразу 30 тяжб.

Но и этого ему мало! Вопреки своим принципам, вопреки увещаниям друзей он бросается в новую авантюру: вступает в компанию налоговых откупщиков — богатых финансистов, откупавших у правительства право взимать налоги и грабивших страну. Петти в своих сочинениях резко выступает против системы налоговых откупов, душивших предпринимательство и производство, а своих компаньонов он почти открыто называет жуликами и кровососами. И все-таки вносит аванс! Скоро он ссорится с «кровососами», но не может получить обратно свои деньги. Теперь он вовлечен еще в одну тяжбу — самую жестокую и бессмысленную. Петти запутывается в ней, как в сетях, приходит в ярость, вызывает у друзей сожаление, у врагов — злорадство. В 1677 г. он даже попадает на короткое время в тюрьму «за неуважение к суду». Эти скандалы губят последние шансы Петти на политическую карьеру, к которой он постоянно стремится. Ему отказывают в должностях, которых он добивается, чтобы осуществлять свои проекты.

Собственник стал рабом собственности. Петти сам сравнивал себя в одном из писем с рабом, который прикован к скамье галеры и изнемогает, гребя против ветра. Это трагедия талантливого человека, энергия и силы которого растрачиваются в волчьем мире денег, рент, откупов: *буржуазная трагедия*.

Современники ощущали трагедию, но воспринимали ее, конечно, иначе, чем мы. Их изумлял разрыв между феноменальными способностями Петти и его незначительными успехами на политическом и государственном поприще. Эвелин писал, что трудно представить себе человека, лучше понимающего государственные дела. Он продолжал: «Во всем мире не найдется человека, столь же способного управлять промышленностью и

ростом торговли... Если бы я был государем, я бы сделал его по меньшей мере своим вторым советником».

Между тем Петти не добился большего, чем пост ничего не решавшего чиновника в морском министерстве...

Сам Петти далеко не всегда был слеп к убожеству своих повседневных дел, истощавших его мысль и энергию. Порой он сардонически смеялся над собой. Но выйти из порочного круга не мог. Предельный лаконизм сочинений Петти — их достоинство и выражение его характера. Но вместе с тем это — следствие его занятости другими делами.

В 1682 г. Петти написал по конкретному поводу споров о перечеке английской монеты небольшую работу под названием «Разное о деньгах» (или «Кое-что о деньгах»). Она написана в форме 32 вопросов и кратких ответов. Это «кое-что» как бы стальной каркас научной теории денег, несущая конструкция, которую оставалось заполнять другими материалами — уточнениями, деталями, иллюстрациями, ставить перегородки между разделами и проблемами.

Маркс говорит о скромной записке, адресованной лорду Галифаксу и не увидевшей света при жизни автора, что эта работа является «до конца отделанной, как бы вылитой из одного куска... Последние следы меркантилистских воззрений, встречающихся в других сочинениях Петти, здесь совершенно исчезли. Эта небольшая работа — настоящий шедевр по содержанию и по форме...».

Стоя на позициях трудовой теории стоимости, Петти трактует деньги как особый товар, выполняющий функции всеобщего эквивалента. Стоимость его, как и всех товаров, создается трудом, а меновая стоимость количественно определяется размерами трудовых затрат в добыче драгоценных металлов. Количество необходимых для обращения денег определяется размерами торгово-платежного оборота, т. е. в конечном счете количеством реализуемых товаров, их ценами и частотой обращения денежных единиц в разных сделках (скоростью обращения). Полноценные деньги могут быть в известных пределах заменены бумажными деньгами, выпускаемыми банком.

Теория денег и кредита в течение последующих двух столетий во многом развивалась в рамках идей, высказанных здесь (и в некоторых других сочинениях) Уильямом Петти, или в полемике с этими идеями.

Однако вместе с тем это скромное сочинение, где многие мысли лишь конспективны и эскизны, показывает, какие возможности теоретического мышления были заключены в этом человеке. Он сделал лишь какую-то часть того, что мог бы сделать. И хотя подобную вещь можно, вероятно, сказать о любом человеке, в отношении Петти это особенно применимо и особенно важно.

Г л а в а 4

БУАГИЛЬБЕР, ЕГО ЭПОХА И РОЛЬ

Вспоминая молодость Маркса, Энгельс писал в 1892 г. будущему биографу великого революционера и ученого Францу Мерингу, что в студенческие годы в Бонне и Берлине (1835—1841 гг.) «о политической экономии он абсолютно ничего не знал». По свидетельству Энгельса, «свои экономические занятия Маркс начал в 1843 г. в Париже изучением великих англичан и французов...».

Удивительное впечатление оставляет чтение этих ранних марксовых конспектов, опубликованных лишь в 30-х годах нашего столетия. 25-летний Маркс открывает для себя Смита и Рикардо. Он доходит до первого «великого француза» — Буагильбера. Трудно сказать, что натолкнуло Маркса на этого экономиста начала XVIII в., к тому времени изрядно забытого. Может быть, здесь сыграла роль даже случайность: в 1843 г. в Париже вышел сборник трудов французских экономистов первой половины XVIII в.; после 130-летнего перерыва там были впервые переизданы сочинения Буагильбера. От смешанного немецко-французского конспекта сочинений Буагильбера Маркс перешел к коротким замечаниям, а потом к размышлениям. На них наталкивали замечательные, опережавшие свое время идеи руанского судьи времен Людовика XIV.

Этот конспект Маркс, вероятно, использовал и через 10 с лишним лет при работе над книгой «К критике политической экономии», где он впервые дал глубокую оценку «более чем полуторавековых исследований классической политической экономии, которая начинается в Англии с Уильяма Петти, а во Франции с Буагильбера и завершается в Англии Рикардо, а во Франции Сисмонди».

Буагильбер привлекал Маркса не только как ученый и писатель. Этот умный и честный человек, будучи сам «винтиком» государственной машины абсолютистской монархии, поднял свой голос в защиту угнетенного большинства французского народа и поплатился за это.

Бедная Франция

Казалось, царствованию Людовика XIV не будет конца. Прошло больше 40 лет с тех пор, как в 1661 г. молодой король после смерти всемогущего министра Мазарини стал править самостоятельно. Началось XVIII столетие. И люди спрашивали себя и (если осмеливались) друг друга: что же будет с Францией, если бог еще надолго продлит дни «короля-солнца»?

В первые два десятилетия царствования хозяйством страны управлял Кольбер. Он понимал важность промышленности и многое делал для ее развития. Однако рост некоторых ее отраслей шел в ущерб сельскому хозяйству, которое Кольбер рассматривал только как источник финансовых средств для государства. Самый главный порок политики Кольбера заключался в том, что она оставляла в неприкосновенности феодальные отношения, а они сковывали экономическое и общественное развитие страны. Может быть, усилия Кольбера имели бы больший успех, если бы королевская власть не ставила перед ним одной главной задачи: любой ценой выжать деньги для войн, которые без конца вел честолюбивый Людовик, и для его невиданно пышного двора.

После смерти Кольбера некоторые достижения его политики были быстро утрачены, а ее пороки дали себя знать с удвоенной силой. В 1701 г. началась самая неудачная и разорительная для Франции война — так называемая «война за Испанское наследство, в которой против нее выступала коалиция в составе Англии, Голландии, Австрии и нескольких мелких государств.

Старая, Людовик XIV терял свой талант привлекать к руководству государством способных людей. На смену энергичному и трудолюбивому Кольберу пришли посредственности. Первое место среди» министров при

Людовике XIV и двух следовавших за ним Бурбонах занимал генеральный контролер финансов, в руках которого было сосредоточено управление финансами государства, хозяйством страны, внутренними делами, юстицией, а порой и военными делами. По существу, это был премьер-министр, который, однако, только выполнял волю монарха.

Проведение любых экономических реформ зависело от генерального контролера. Зная это, Буагильбер без конца пытался убедить в полезности своих проектов людей, которые занимали этот пост в последнем десятилетии XVII и первом десятилетии XVIII в.,— Поншартрена и Шамильера. Но эти люди были неспособны даже выслушать его до конца. Добившись однажды аудиенции у Поншартрена, Буагильбер начал свой доклад таким заявлением: возможно, министр сначала сочтет его сумасшедшим, но быстро изменит свое мнение, как только вникнет в его, Буагильбера, идеи. Послушав его несколько минут, Поншартрен расхохотался и сказал, что он остается при первоначальном мнении и не нуждается в дальнейшем разговоре.

Правительство не желало и слышать ни о каких реформах, которые могли бы затронуть интересы привилегированных сословий (дворянства и духовенства) и новых кровососов — налоговых откупщиков, богатых финансистов. Между тем только такие реформы могли вывести хозяйство страны из затяжного кризиса, и в этом направлении шли проекты докучливого руанца.

Сочинения Буагильбера являются одним из важнейших источников сведений о бедственном состоянии экономики Франции той эпохи, о тяжелом положении народа, три четверти которого составляло крестьянство. Но об этом писали многие. Вот, например, свидетельство крупного писателя, воспитателя дофина, Франсуа Фенелона: «Обработка земли почти заброшена, города и деревни обезлюдели. Все ремесла пришли в упадок и не могут прокормить работников. Всякая торговля замерла». Видный автор политических и экономических сочинений маршал Вобан в 1707 г. писал, что одна десятая часть всего населения нищенствует, пять десятых — на грани нищенства, три десятых — в очень стесненном положении и лишь одна, высшая, десятая доля живёт хорошо, в том числе несколько тысяч человек — роскошно.

Отличие Буагильбера от этих критиков заключалось в том, что он в какой-то мере понимал коренные причины такого положения. Поэтому он и мог много сделать для развития экономической мысли. Не случайно взгляд его обращался к деревне. Здесь был ключ к развитию во Франции прогрессивного буржуазного хозяйства. Король, дворянство и церковь упорно держали этот ключ под замком, пока революция в конце столетия не сломала все замки. Французский крестьянин был лично свободен уже несколько столетий. Но он не был свободным собственником земли, на которой жил и работал. Средневековый принцип «нет земли без сеньора» действовал с полной силой, хотя и в изменившихся формах. В то же время во Франции не было того сильного нового класса капиталистических фермеров-арендаторов, который развивался в Англии. Крестьянство изнемогало под тройным гнетом: оно платило ренту и несло бремя самых разных феодальных повинностей по отношению к помещикам; содержало многочисленную армию попов и монахов, отдавая на церковь десятую часть своих доходов; было, по существу, единственным плательщиком налогов королю. Дворянство и духовенство налогов не платили, а городская буржуазия была, с одной стороны,

относительно слаба, а с другой — гораздо успешнее могла уклоняться от налогов.

Как много раз повторял Буагильбер в своих сочинениях и докладных записках, эта экономическая система убивала у крестьянина всякие стимулы к улучшению обработки земли, к расширению производства.

Подчиняя всю экономическую политику задаче извлечения налоговых доходов, государство использовало феодальные пережитки, задерживало их разрушение. Вся Франция была разрезана на отдельные провинции таможенными границами, на которых взимались пошлины со всех перевозимых товаров. Это мешало развитию внутреннего рынка, росту капиталистического предпринимательства. Другим препятствием было сохранение в городах ремесленных цехов с их привилегиями, жесткой регламентацией и ограничением производства. Это тоже было выгодно правительству, потому что оно без конца продавало цехам одни и те же привилегии. Даже немногие крупные мануфактуры, которые насаждал Кольбер, в начале XVIII столетия пришли в упадок. В 1685 г. Людовик XIV отменил Нантский эдикт, которым допускалась известная веротерпимость. Многие тысячи семей гугенотов — ремесленников и торговцев покинули Францию, увозя с собой деньги, мастерство и: предпринимательскую сметку.

Судья из Руана

Экономические прожектеры — особый тип людей, который встречается, наверное, во все времена и во всех странах. Они похожи на другое особенное племя — изобретателей и нередко наталкиваются на такие же препятствия: эгоистические интересы сильных мира сего, консерватизм и обыкновенную человеческую глупость.

Буагильбер был одним из самых неистовых, честных и бескорыстных экономических прожектеров. Во Франции Людовика XIV его неизменно ждала неудача, и эта неудача была для него более глубокой личной трагедией, чем даже для Петти. Личность Буагильбера, может быть, не отличается такой многогранностью и колоритностью, как фигура сэра Уильяма. Но уважения он внушает, пожалуй, больше. Уже современники, давая характеристику смелому руанцу, обращались за примерами подобных гражданских добродетелей к классической древности. Говоря об этих двух экономистах, Маркс писал, что, «в то время как Петти был легкомысленным, жаждавшим грабежа и бесхарактерным авантюристом, Буагильбер... с большим умом и такой же большой смелостью выступал за угнетенные классы». Надо отметить, что Маркс знал Буагильбера только по опубликованным произведениям и предвосхитил в этой фразе его человеческий облик, раскрывшийся для исследователей более полно после того, как в 60-х годах XIX в. была обнаружена переписка Буагильбера.

Пьер Лепезан де Буагильбер родился в 1646 г. в Руане. Семья его принадлежала к нормандскому «дворянству мантии» — так называли в старой Франции дворян, занимавших наследственные судебные и административные посты; кроме того, имелось «дворянство шпаги», служившее королю оружием. «Дворянство мантии» в XVII и XVIII столетиях быстро пополнялось за счет разбогатевших буржуа. Таково было и происхождение Буагильберов.

Юный Пьер Лепезан получил отличное для своего времени образование, по его завершении поселился в Париже и занялся литературой. Он

опубликовал несколько переводов с древних языков и в 1674 г. издал написанную им историческую хронику о шотландской королеве Марии Стюарт. Однако на этом его литературная карьера прервалась.

Он обратился к традиционной в их семье юридической профессии и, женившись в 1677 г. на девушке своего круга, получил вскоре судебно-административную должность в Нормандии. По каким-то причинам он находился в ссоре со своим отцом, был лишен наследства в пользу младшего брата и вынужден был сам «выходить в люди». Делал он это весьма успешно, так что уже в 1689 г. смог купить за большие деньги доходную и влиятельную должность генерального лейтенанта судебного округа Руана. В своеобразной системе тогдашнего управления это означало нечто вроде главного городского судьи вместе с функциями полицейского и общего муниципального управления. Эту должность Буагильбер сохранил до конца дней и за два месяца до смерти передал ее старшему сыну.

Система продажи должностей была одним из самых вопиющих общественных зол монархии Бурбонов,— таким путем казна выкачивала деньги у буржуазии и тем самым ограничивала ее возможности вкладывать их в производство и торговлю. Часто придумывали новые должности или делили старые на части и заставляли вновь выкупать их. Один из министров Людовика XIV шутил: как только его величество создает новые должности, так находятся дураки, покупающие их.

Экономическими вопросами Буагильбер начинает заниматься, видимо, с конца 70-х годов. Живя среди сельского населения Нормандии и путешествуя по другим провинциям, он видит отчаянное положение крестьянства и скоро приходит к выводу, что это — причина общего упадка хозяйства страны. Дворяне и король оставляют крестьянину лишь столько, чтобы он не умер с голоду, а порой забирают и последнее. Трудно при этом надеяться, что он будет увеличивать производство. В свою очередь, страшная нищета крестьянства — главная причина упадка промышленности, так как она не имеет сколько-нибудь широкого рынка сбыта.

Эти идеи постепенно зреют в голове судьи. В 1691 г. он уже говорит о своей «системе» и, очевидно, излагает ее на бумаге. «Система» представляет собой серию реформ, как мы теперь сказали бы, буржуазно-демократического характера. При этом Буагильбер выступает не столько как выразитель интересов городской буржуазии, сколько как защитник крестьянства. «С Францией обращаются как с завоеванной страной» — этот рефрен пройдет через все его сочинения.

Можно сказать, что «система» Буагильбера и в ее первоначальной форме, и в окончательном виде, какой она приобрела к 1707 г., состояла из трех основных элементов.

Во-первых, он считал необходимым провести большую налоговую реформу. Не вникая в детали, можно сказать, что он предлагал заменить старую, ярко выраженную регрессивную систему пропорциональным или слегка прогрессивным обложением. Вопрос об этих принципах обложения сохраняет свою остроту и в настоящее время, поэтому стоит разъяснить его. При регрессивной системе, чем больше доход данного лица, тем меньше в процентном отношении налоговые изъятия; при пропорциональной системе изымаемая доля дохода одинакова; при прогрессивной она растет с повышением дохода. Предложение Буагильбера было исключительно смелым для своего времени: ведь знать и церковь, как уже говорилось, по существу,

вовсе не платили налогов, а он хотел обложить их по меньшей мере в такой же пропорции, как и бедняков.

Во-вторых, он предлагал освободить внутреннюю торговлю от ограничений,— как он выражался, «очистить дороги» (от таможенных застав). От этой меры он ждал расширения внутреннего рынка, роста разделения труда, усиления обращения товаров и денег.

Наконец, в-третьих, Буагильбер требовал ввести свободный рынок зерна и не сдерживать естественное повышение цен на него. Он находил политику поддержания искусственно низких цен на зерно крайне вредной, так как эти цены не покрывают издержек производства в сельском хозяйстве и исключают возможность его роста. Буагильбер считал, что экономика будет лучше всего развиваться в условиях свободной конкуренции, когда товары смогут находить на рынке свою «истинную ценность». Однако он не был последователен в проведении этой идеи и, в частности, считал, что ввоз зерна во Францию должен быть запрещен.

Эти реформы Буагильбер считал исходными условиями хозяйственного подъема и повышения благосостояния страны и народа. Только таким путем можно увеличить доходы государства, убеждал он правителей. С таким проектом Буагильбер стал пробиваться к министру Поншартрену. Полная неудача, о которой говорилось выше, не обескуражила его, не поколебала веру в успех. Стремясь донести свои идеи до публики, он выпускает в 1695—1696 гг. анонимно свою первую книгу под характерным названием: «Подробное описание положения Франции, причины падения ее благосостояния и простые способы восстановления, или как за один месяц доставить королю все деньги, в которых он нуждается, и обогатить все население».

Упоминание о простых способах и о возможности всего достичь за один месяц носит в известной мере рекламный характер. Но вместе с тем оно отражает искреннюю веру Буагильбера в то, что стоит только принять ряд законов (а для этого, как он писал, надо всего два часа работы министров), и хозяйство поднимется «как на дрожжах».

Но цепь разочарований только начинается. Книга остается почти незамеченной. В 1699 г. место Поншартрена занимает Шамильяр, который лично знает Буагильбера и как будто сочувствует его идеям. Руанец вновь полон надежд, он работает с новой энергией, пишет новые работы. Но главная его продукция в следующие пять лет — серия длинных писем-меморандумов для министра. Эти удивительные документы не только докладные записки, но вместе с тем личные письма, крик души. Чего он только не делает, чтобы убедить Шамильяра принять его план, проверить этот план на практике!

Буагильбер доказывает и уговаривает, грозит экономическими бедствиями, упрашивает и закликает. Натолкнувшись на стену непонимания и даже на насмешки, он вспоминает о своем достоинстве и замолкает. Но, сознательно жертвуя личной гордостью ради отечества, вновь взывает к тем, кто обладает властью: спешите, действуйте, спасайте! Одно из писем 1702 г. заключается так: «На этом я кончаю; тридцать лет усердия и забот дают мне силу предвидения, и я публично писал, что тот способ, которым Франция управляется, приведет ее к гибели, если это не будет остановлено. Я говорю лишь то, что говорят все купцы и земледельцы».

В другом письме, датированном июлем 1704 г., он говорит, что

предшественники Шамильера на министерском посту «полагали, что власть заменяет все и что законы естества, справедливости и разума действуют лишь для тех, кто не обладает абсолютной властью... Они поступали, как глупец, который заявляет: овес вовсе не нужен, чтобы заставить лошадь идти; для этого достаточно кнута и шпор. Эту лошадь можно использовать лишь для первой поездки, от которой она сдохнет, и ее хозяин должен будет идти пешком. Ваши предшественники придерживались правила кнута и шпор; вы останетесь верхом, лишь если будете давать лошади овес... Только на этой основе я предлагаю вам свои услуги».

Преступление и наказание

Идут годы. Министр запрещает Буагильберу публиковать его новые сочинения, и тот до поры до времени ждет, надеясь на практическое осуществление своих идей. В 1705 г. Буагильбер наконец получает округ в Орлеанской провинции для «экономического эксперимента». Не совсем ясно, как и в каких условиях проводился этот опыт. Во всяком случае, он уже в следующем году закончился провалом: в небольшом изолированном округе и при противодействии влиятельных сил он и не мог закончиться иначе.

Теперь уж ничто не останавливает Буагильбера. В начале 1707 г. публикует он два тома своих сочинений. Наряду с теоретическими трактатами там есть и резкие политические выпады против правительства, суровые обвинения и грозные предупреждения. Ответ не заставляет себя долго ждать: книгу запрещают, автора ссылают в провинцию. Но и тут упрямец не замолкает! Из ссылки он вновь обращается с письмом к Шамильеру и получает грубый ответ.

Буагильберу уже 61 год. Дела его расстроены, у него большая семья: пятеро детей. Родные уговаривают его утихомириться. Младший брат, добропорядочный советник парламента (провинциального суда) в Руане, хлопочет за своего старшего брата. Заступников у него хватает, да и Шамильер понимает нелепость наказания. Но неистовый прожектор должен смириться! Стиснув зубы, Буагильбер соглашается: бессмысленно дальше биться головой о стену. Ему позволяют вернуться в Руан. Как сообщает мемуарист той эпохи герцог Сен-Симон, которому мы обязаны многими деталями этой истории, горожане встретили его с почетом и радостью.

Буагильбер больше не подвергался прямым репрессиям. Он выпустил еще три издания своих сочинений, опустив, правда, иные самые острые места. Но морально он был уже сломлен. В 1708 г. Шамильера на посту генерального контролера сменил племянник Кольбера, умный и дельный Демаре. Он хорошо относился к опальному Буагильберу и даже пытался привлечь его к управлению финансами. Но было уже поздно: и Буагильбер был не тот, и финансы быстро катились в пропасть, готовя почву для эксперимента Джона Ло. Буагильбер умер в Руане в октябре 1714г.

Цельная и сильная личность Буагильбера выступает из его сочинений, писем и немногих свидетельств современников. И в делах, и в личном общении он не был, видимо, легким человеком: его характерными чертами были напористость, настойчивость, упрямство. Сен-Симон коротко замечает, что «его живой характер был единственным в своем роде». Видно, однако, что он испытывал к Буагильберу уважение, граничащее с изумлением. Артур Буалиль, обнаруживший и опубликовавший переписку Буагильбера, говорит о нем на основе изучения документов: «Буагильбер непрестанно затевал

конфликты, вступал в споры и борьбу, и всюду проявлялся его беспокойный, неутомимый, непримиримый характер».

Неуживчивость его имела под собой принципиальную основу: свои принципы он яростно отстаивал и в больших, и в малых делах. А так как принципы эти были для того времени, мягко говоря, необычны, то столкновения становились неизбежными. 20 лет вел скромный судья из Руана свою трудную борьбу, жертвуя покоем, благополучием и своими материальными интересами (Шамильяр за упрямство облагал его своеобразными штрафами, заставляя вновь и вновь оплачивать ранее купленные должности). Министры не любили его, но при этом слегка (а может быть, и не слегка) побаивались: преимущество руанца состояло в бесстрашной прямоте и убежденности, с которой он отстаивал свои идеи и принципы.

Теоретик

Как и все ранние экономисты, Буагильбер подчинял свои теоретические построения практике, обоснованию предлагавшейся им политики. Его роль как одного из основателей экономической науки определяется тем, что в основу своих реформ он положил цельную и глубокую для того времени систему теоретических взглядов. Ход мыслей Буагильбера был, вероятно, схож с логикой Петти. Он задался вопросом о том, чем определяется экономический рост страны; Буагильбера конкретно волновали причины застоя и упадка французской экономики. Отсюда он перешел к более общему теоретическому вопросу: какие закономерности действуют в народном хозяйстве и обеспечивают его развитие?

Выше уже приводилась мысль Ленина: стремление найти закон образования и изменения цен проходит через всю экономическую теорию, начиная с Аристотеля. Буагильбер сделал в этот многовековой поиск своеобразный вклад. Он подошел к задаче с позиций, как мы сказали бы теперь, «оптимального ценообразования». Он писал, что важнейшим условием экономического равновесия и прогресса являются пропорциональные или нормальные цены.

Что это за цены? Прежде всего, это цены, обеспечивающие в среднем в каждой отрасли покрытие издержек производства и известную прибыль, чистый доход. Далее, это цены, при которых будет бесперебойно совершаться процесс реализации товаров, при которых будет поддерживаться устойчивый потребительский спрос. Наконец, это такие цены, при которых деньги «знают свое место», обслуживают платежный оборот и не приобретают тиранической власти над людьми.

Понимание закона цен, т. е., в сущности, закона стоимости, как выражения пропорциональности народного хозяйства было совершенно новой и смелой мыслью. С этим связаны другие основные теоретические идеи Буагильбера. При указанной трактовке цен, естественно, вставал вопрос: каким образом могут быть обеспечены «оптимальные цены» в экономике? По мнению Буагильбера, такая структура цен будет складываться стихийно в условиях свободы конкуренции.

Он видел главное нарушение свободы конкуренции конкретно в установлении максимальных цен на зерно. Буагильбер считал, что с отменой максимальных цен рыночные цены на зерно повысятся, это увеличит доходы крестьян и их спрос на промышленные изделия, далее возрастет производство

этих изделий и т. д. Такая цепная реакция обеспечит одновременно и всеобщее установление «пропорциональных цен» и процветание хозяйства.

До сих пор существует спор о том, кому принадлежит знаменитая фраза: «Laissez faire, laissez passer», ставшая позже лозунгом свободы торговли и невмешательства государства в экономику и тем самым принципом классической школы в политической экономии. Фразу приписывают, полностью или по частям, то крупному купцу времени Людовика XIV Франсуа Лежандру, то маркизу д'Аржансону (30-е годы XVIII в.), то другу Тюрго интенданту торговли Венсану Гурнэ. Но если Буагильбер и не придумал это выражение, то он четко выразил заключающуюся в нем идею. Он писал: «Надо лишь предоставить действовать природе...»

Как отмечал Маркс, у Буагильбера в понятие *laissez faire, laissez passer* еще не вкладывается тот эгоистический индивидуализм капиталиста-предпринимателя, какой в него стали вкладывать позже. У него «это учение имеет еще нечто *человечное и значительное*. *Человечное* в противоположность хозяйству старого государства, которое стремилось пополнить свою кассу неестественными средствами, *значительное* как первая попытка освободить буржуазную жизнь. Ее надо было освободить, чтобы показать, что она собой представляет».

Вместе с тем Буагильбер не отрицал экономических функций государства; это было немыслимо для такого реалиста и практика, каким он был. Он полагал, что государство, особенно с помощью разумной налоговой политики, может способствовать высокому уровню потребления и спроса в стране. Буагильбер понимал, что сбыт и производство товаров неизбежно застопорится, если замедлится поток потребительских расходов. Он не замедлится, если бедняки будут больше зарабатывать и меньше отдавать в виде налогов, так как они склонны быстро тратить свой доход. Богачи же, напротив, склонны сберегать доход и тем самым обостряют трудности сбыта продукции.

Этот ход рассуждений Буагильбера важен с точки зрения развития экономической мысли в последующие столетия. Исторически в буржуазной политической экономии сложились две принципиальные позиции по вопросу о главных факторах роста производства и богатства в капиталистическом обществе. Первая позиция сводилась к тому, что рост производства определяется исключительно размерами накопления (т. е. сбережений и капиталовложений). Что касается платежеспособного спроса, то это, так сказать, «само приложится». Далее эта концепция логически вела к отрицанию возможности экономических кризисов общего перепроизводства. Другая позиция делала упор на потребительский спрос как на фактор поддержания высоких темпов роста производства. Ее предшественником в известном смысле был Буагильбер. Такая трактовка, напротив, закономерно вела к проблеме экономических кризисов.

Правда, Буагильбер связывал «кризисы» (вернее, явления, подобные кризисам, характерным лишь для более поздней стадии развития капитализма) не столько с внутренними закономерностями хозяйства, сколько с плохой государственной политикой. Его можно понять и так, что при хорошей политике недостатка спроса и кризисов можно избежать. Как бы то ни было, в своей главной теоретической работе — «Рассуждение о природе богатства, денег и податей» Буагильбер ярко и образно показал, что происходит при экономическом кризисе. Люди могут умирать не только от

недостатка, но и от избытка благ! Представьте себе, говорил он, 10 или 12 человек, прикованных цепями на расстоянии друг от друга. У одного много пищи, но нет ничего больше; у другого избыток одежды, у третьего — напитков и т. д. Но обменяться между собой они не могут: цепи — это внешние, непонятные людям экономические силы, вызывающие кризисы. Эта картина гибели при изобилии вызывает в памяти картины XX в.: молоко, выливаемое в море, и кукурузу, сжигаемую в топках паровозов,— и это среди безработицы и нищеты.

Как в теории, так и в политике позиция Буагильбера отличается от взглядов меркантилистов и во многом направлена против них. Он пытался искать экономические закономерности не в сфере обращения, а в сфере производства, считая первоосновой экономики сельское хозяйство. Он отказывался видеть богатство страны в деньгах и стремился развенчать их, противопоставляя деньгам реальное богатство в виде массы товаров. Наконец, выступление Буагильбера за экономическую свободу также означало прямой разрыв с меркантилизмом.

Буагильбер и французская политическая экономия

Гуманизм является светлой и привлекательной чертой взглядов Буагильбера. Но его «крестьянолюбие» имело и свою оборотную сторону с точки зрения экономической теории. Во многом он смотрел не вперед, а назад, недооценивая роль промышленности и торговли, идеализируя крестьянское хозяйство. Это влияло на его взгляды по коренным экономическим вопросам.

Причины позиции Буагильбера, заметно отличающей его от Петти, надо искать в исторических особенностях развития французского капитализма. Промышленная и торговая буржуазия была во Франции несравненно слабее, чем в Англии, капиталистические отношения развивались медленнее. В Англии они утвердились уже и в сельском хозяйстве. Английская экономика в большей мере характеризовалась разделением труда, конкуренцией, мобильностью капитала и рабочей силы. В Англии политическая экономия развивалась как чисто буржуазная система взглядов, во Франции она во многом имела мелкобуржуазный характер.

Английская классическая политическая экономия, у истоков которой стоит Петти, выдвинула в центр научного анализа два важнейших и связанных между собой вопроса. Какова конечная основа цен товаров? Откуда берется прибыль капиталиста? Для того чтобы дать ответы на эти вопросы, необходимо было исследовать природу стоимости. Трудовая теория стоимости закономерно оказалась основой мышления английских экономистов. Развивая эту теорию, они постепенно приближались к пониманию различия между конкретным трудом, создающим различные потребительные стоимости, и абстрактным трудом, лишенным качественной характеристики, имеющим только один параметр — продолжительность, количество. Это различие никогда не было выявлено и сформулировано до Маркса, но приближение к нему представляет собой некоторым образом историю английской политической экономии от Петти до Рикардо.

Закон стоимости — вот подлинный предмет ее исследований. Но, как отмечает Маркс, «закон стоимости для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией, т. е. современное буржуазное общество». Такое общество

развивалось во Франции с большим запозданием против Англии. Это затрудняло для теоретиков наблюдение и понимание действия закона стоимости.

Правда, Буагильбер через свою концепцию «пропорциональных цен» сводил «если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара к рабочему времени...». Но он был далек от понимания двойственной природы труда и потому вообще игнорировал стоимостную сторону богатства, в которой как раз и воплощается всеобщий абстрактный труд. В богатстве он видел только вещественную сторону, рассматривал его лишь как массу полезных благ, потребительных стоимостей.

Особенно ярко эта ограниченность мышления Буагильбера сказалась в его взглядах на деньги. Он не понимает, что в обществе, где действует закон стоимости, товары и деньги представляют собой неразрывное единство. Именно в деньгах, этих абсолютных носителях меновой стоимости, находит свое самое завершенное выражение абстрактный труд. Буагильбер фанатически борется против денег, противопоставляя им товары,— в его понимании, просто полезные блага. Поскольку деньги сами по себе не являются предметом потребления, они кажутся ему чем-то внешним и искусственным. Деньги приобретают противоестественную тираническую власть, и это причина экономических бедствий. Свое «Рассуждение о природе богатств» он начинает яростными нападками на деньги: «Испорченность сердец превратила... золото и серебро... в идиолов... Их превратили в божества, которым приносили и приносят в жертву больше благ, ценностей и даже людей, чем слепая древность когда-либо жертвовала этим божествам, с давних пор превратившимся в единственный культ и религию большей части народов».

Утопическое стремление освободить капиталистическое производство от власти денег, не меняя в то же время его основ,— это, как выразился Маркс, «национальный наследственный недуг» французской политической экономии, начиная с Буагильбера и кончая социализмом Прудона.

Буагильбер не мог вскрыть классовой, эксплуататорской природы буржуазного общества, которое в его время только формировалось в недрах феодального строя. Но он резко критиковал экономическое и социальное неравенство, угнетение, насилие: Буагильбер был одним из первых людей, сочинения которых готовили гибель «старого порядка», прокладывали путь революции. Это понимали защитники абсолютной монархии уже в XVIII в. Почти через полвека после смерти Буагильбера один из таких защитников писал, что его «отвратительные сочинения» возбуждают ненависть к правительству, призывают к грабежу и возмущению и особенно опасны в руках молодого поколения. Но именно это и есть одна из причин, по которым сочинения и личность Буагильбера важны и интересны для нас.